

Министерство образования Республики Беларусь
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА (БГПУ)

УДК [94:341.232.7] (476+474.5+477)
«17/19»
№ ГР 20111198
Инв. №

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе

А.В. Торхова

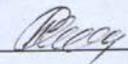
11 2015

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Социально-экономическое и этнокультурное взаимодействие Беларуси,
Литвы и Украины: влияние на формирование белорусской нации
в конце XVIII – начале XX в.
(заключительный)

№ договора 693 от 01.03.2011

Зав. НИСом
к.и.н.

П.А. Матюш

«05» 11 2015 г.

Научный руководитель
д.и.н., профессор

Н.М. Забавский

«05» 11 2015 г.

Минск 2015

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель

д.и.н., профессор

«__»_____

Н.М. Забавский
(введение,
заключение,
раздел 1,5)

Исполнители:

Доцент, к.и.н.

«__»_____

В.Н. Кадира
(раздел 1, 2,5)

Доцент, д.и.н.

«__»_____

В.И. Яковчук
(введение, раздел
5)

Ведущий научный
сотрудник

«__»_____

Б.Л. Харкевич
(раздел 3)

Доцент, к.и.н.

«__»_____

А.Э. Лютая
(раздел 2)

Директор музея истории
БГПУ

«__»_____

Л.С. Пепик
(раздел 3)

Аспирант

«__»_____

К.Ю. Таранович
(заключение,
раздел 4)

Специалист по работе со
студентами исторического
факультета, технический
секретарь

«__»_____

Н.В. Калискарова
(раздел 2)

Нормоконтролер

В.Н. Паськова

РЕФЕРАТ

Отчет 94 с., 1 ч., 95 источников, 1 прил.

ЭТНОС, ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ, НАЦИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ЗАПАДНОРУССИЗМ, ЭТНОС, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, УКРАИНА, БЕЛАРУСЬ, ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ, НАЦИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Объект исследования – политические условия процесса формирования белорусской нации в начале XX в.

Цель работы – в результате комплексного исследования определить раскрытие исторических закономерностей и тенденций формирования белорусской нации.

Методология исследования. Исследование базируется на принципах историзма, объективности и ценностного подхода. При выполнении НИР использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, восхождение от конкретного до абстрактного и наоборот и др.), а также конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный) методы.

Результаты: результаты по теме используются при подготовке курса лекций по истории Беларуси, истории славянских народов, истории общественно-политической мысли Беларуси для студентов исторического факультета по специальности 1-02 01 01 01 «История и обществоведческие дисциплины»; Планируется получить новые знания о социально-экономическом и этнокультурном взаимодействии Беларуси, Литвы и Украины и его влиянии на формирование белорусской нации в конце XVIII – начале XX вв.; выработать согласованные подходы для продвижения возможных литовско-белорусских и украинских инициатив в рамках «Восточного партнерства»;

Область применения. Практическое значение полученных результатов определяется их востребованностью при подготовке монографических

исследований, обобщающих работ, учебников и учебных пособий, кроме того, материалы исследований могут быть использованы в учебном процессе при разработке лекционных курсов, семинарских занятий, написании курсовых, дипломных работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций.

Репозиторий БГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1 Информационные возможности источников по проблеме взаимодействия Беларуси, Литвы, Украины и их влияние на формирование белорусской нации в конце XVIII – начале XX вв.

2 Установление основных форм социально-экономического и этнокультурного взаимодействия Беларуси, Литвы и Украины в конце XVIII – начале XX вв.

3 Выявление внешних факторов оказывавших влияние на формирование белорусской нации. «Борьба «западнорусских» и польских националистических группировок с белорусским национальным движением».

4 Раскрытие исторических закономерностей и тенденций формирования белорусской нации.

5 Разработка предложений по идентификации и регистрации, восстановлению и сохранению общего культурного наследия Беларуси, Литвы и Украины, содействию в ознаменовании памятных дат и событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ А Список работ, опубликованных и направленных в печать в результате исполнения НИР

ВВЕДЕНИЕ

Исторические судьбы белорусского народа непосредственно связаны с близкими ему по языку и культуре славянами, а также с соседними балтскими этническими объединениями. Одним из них являются литовцы. Взаимоотношения белорусов, литовцев и украинцев особенно на пограничных территориях всегда были тесными, особенно в области культуры. Белорусы сыграли важную роль в этнической истории литовцев и украинцев. В свою очередь последние оказали существенное влияние на формирование белорусской народности, а позже и на формирование белорусской нации. Без взаимовлияния соседей, невозможно проследить этнокультурные процессы, которые проходили столетиями и продолжаются сегодня.

В наше время несомненным является тот факт, что заметно вырос интерес исследователей к проблеме формирования белорусской нации. Значительно выросло и количество научных работ, в которых данная проблематика рассматривается. Но практически во всех исследованиях связанных с наукостремительными процессами на белорусских землях, недостаточное внимание уделяется фактору цивилизационного Пограничья. Индивид осознает собственную этничность тогда, когда сталкивается с иными образцами культуры, с иными моделями поведения. Пограничье является пространством активного взаимодействия культур, государственных и церковных институтов. В то же время белорусское национальное движение вынуждено было противостоять национально-культурной ассимиляции со стороны Польши и России.

Изучение проблемы социально-экономического и этнокультурного взаимодействия Беларуси, Литвы и Украины: влияние на формирование белорусской нации в этом плане является вполне актуальной и востребованной.

Реалии украинской жизни и культуры XIX – начала XX вв. освящению которых посвящена значительная историческая и культурологическая литература определили в значительной степени тем, что историческая территория, на которой формировался украинский народ была разделена между империями Российской и Австрийской (Австро-Венгерской). Условия жизни в них так как и механизм формирования основ современной национальной культуры существенно отличались. Состав Российской империи вошла большая часть населенных украинцами земель (Слобожанщина, Левобережье, Гетманщина) бывшие земли запорожских казаков, а также Правобережье, Подолье и Волынь. Именно с этой частью населения Украины годами произвольно существовали определенные отношения с населением белорусских земель, в первую очередь культурные.

Необходимо напомнить, что с конца XVIII в. после ликвидации Запорожской Сечи и Гетманщины, закрепощение крестьянства Левобережья, украинская национальная культура оказалась в глубоком кризисе. И необходимо определить уровень взаимоотношений.

Исторические судьбы белорусского народа от момента его возникновения тесно связаны не только с близкими ему по языку и культуре славянами, но и с соседними балтскими объединениями. Литовцы принимали активное участие в формировании белорусского этноса и оказали влияние на его культуру. В свою очередь белорусы также сыграли важную роль в этнической истории литовцев, воздействовали на их культуру.

До середины 90-х гг. прошлого века советская историография изучала историю рабочего класса, крестьянства, революционную деятельность и социал-демократическое движение. Исследования по политике царского правительства сословной и конфессиональной истории, были достаточно редкими, а по проблемам национальных меньшинств, этнокультурном взаимодействии Беларуси с другими странами-народами, практически отсутствовали. Слабо разработана была история конца XVIII – первой половины XIX вв.. Разделы Речи Посполитой оказали сильное влияние на

весь XIX в., но они не изучались в советское время. Считалось, что участие России в Разделах – это темное пятно на ее историю, а потому об этом лучше не вспоминать и не исследовать. При необходимости тема разделов включалась в разные учебники и книги, но в них отсутствовали какие-либо новые материалы и оценки в сравнении с дореволюционной историографией.

Репозиторий БГПУ

1 Информационные возможности источников по проблеме взаимодействия Беларуси, Литвы, Украины и их влияние на формирование белорусской нации в конце XVIII – начале XX вв.

В условиях провозглашения суверенной Республики Беларусь ключевое место в национальной историографии отводится периодам, события которых рассматриваются в контексте формирования белорусской нации и белорусской государственности. При этом особую актуальность приобретают исследования этно-культурного взаимодействия с граничащими странами, в том числе с Украиной и Литвой. Взаимоотношения белорусов, литовцев и украинцев всегда были тесными, как в культурном, так и в социально-экономическом аспектах. История белорусов занимает важное место в этнической истории литовцев и украинцев. Последние, в свою очередь, оказали существенное влияние на формирование белорусской нации.

Первые сведения о взаимоотношениях белорусов и литовцев были отражены в экспедициях Русского географического товарищества в Литву 1867-1870 гг. Исследования проводились с целью определения границ расселения литовцев вдоль белорусско-литовского этнического пограничья.

В конце XIX в. историю, культуру литовцев и белорусов исследовал известный этнограф Э.Вольтер. Исследователь представил сведения по различным отраслям традиционной культуры, языку белорусского и литовского населения Северо-западного края.

Ценные исторические сведения, которые помогают раскрыть белорусско-литовские отношения во вт. пол. XIX в. представляет М.Л.Любавский.

В конце в XIX – начале XX вв. объединительным центром белорусских и литовских деятелей культуры была Вильно. Для литовских деятелей Вильно была столицей ВКЛ, построенной Гедимином на заре славной литовской истории. Белорусские национальные лидеры проводили в Вильно не меньшую работу, чем литовцы и тоже называли Вильно своей столицей.

Значительный вклад в изучение истории города внес белорусский историк З.В.Шибeko.

Он считает, что на протяжении в XIX – начала XX вв. Вильно выступало для народов бывшей Речи Посполитой символом свободы. Это и привело к одновременному возникновению с их стороны претензий на Вильно. Белорусскими лидерами город рассматривался как центр территориальной, а потом и государственной автономии в составе Российской империи.

Роль Вильно в период формирования наций и определения будущего государственного устройства для белорусов и литовцев рассматривает А.Смоленчук.

Среди зарубежных историков первым на вопрос о Вильно обратил внимание американский исследователь Т.Снайдер.

Тема межконфессиональных отношений в конце в XIX – начале XX вв. Основательно исследована в монографии современного литовского историка В.Мяркуса, изданная в 1989 г. “Этнические отношения в Виленском бискупстве в 1798-1918 гг.” Автором введены в научный оборот ряд новых исторических источников, в том числе хроника представителей местной власти и духовенства, которая содержит сведения относительно этноязыкового, религиозного и социального состава местного населения.

В 1978 г. вышла коллективная монография украинских и белорусских историков, которые предприняли первую попытку в историографии исследовать многообразные экономические, политические и культурные связи и различные факты совместного прошлого двух народов. На большом фактическом материале всесторонне показаны общность происхождения, близость территории, истории и языка, их совместная борьба против иноземных поработителей, за развитие материальной и духовной культуры, за социальное и национальное освобождение.

Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы на Украине, Беларуси, особенно в борьбе за своб культуру, свой язык, но не как

противостояние всему русскому, а польскому определили в XIX веке Котляровский, Н.Гоголь, Т.Шевченко, Драгоманов и другие прославленные украинцы, родоначальники современной украинской литературы. Особенно необходимо выделить инициатора белорусско-украинского сближения общественно-политического деятеля и историка Н.Грушевского.

Основные направления взаимодействия и тактику борьбы белорусских и украинских общественно-политических организаций и политических структур в процессе становления национально-демократической и советской государственности в начале XX века раскрывает в кандидатской диссертации А.Н.Кукса (2008 г.).

Почти все современные нации сформировались в XIX в. Многие исследователи процессов нациообразования в Европе акцентируют внимание на особенности формирования современных народов на западе и востоке континента. Так, польский исследователь П.Вандыч выделяет в Центрально-Восточной Европе три модели процессов нациообразования – польскую, венгерскую и чешскую. Белорусское, литовское, украинское национальные движения считает близкими к чешской модели, для которой характерны следующие черты: отдаленная и прерванная традиция своей государственности или тип государственности, связанный с иным народом; мифологизация прошлого; национальное возрождение являлось «пробуждением» лишь потенциально существующей народности. Для последней процесс формирования целостного национального самосознания так и не был завершён в 19 в.

Чешский историк М.Грох считает, что некоторые народы достигли массового национального капиталистического общества (чехи). Польский социолог Р.Радик выделяет три основные причины этой запоздалости: правительственную политику Российской империи, специфику социальной структуры населения, содержание народной культуры белорусов. Как отмечает представители местной шляхты оказали белорусскому национальному движению в XIX в. поддержку культурно-материального

характера, а не национально-политического. Существенной причиной запоздалости процесса белорусского нациообразования было отсутствие сословия, или социального строя, который был бы заинтересован в создании белорусской нации.

Автор подчеркивает, что у галицких украинцев такой нациообразующей социальной группой было униатское духовенство. Белорусы после ликвидации унии в 1839 г. такой поддержки не имели, так как православное духовенство поддерживало ассимиляционную политику российских властей.

Большинство современных белорусских исследователей согласны с утверждением о том, что богатые и влиятельные классы белорусской нации и не оказывали никакой поддержки развитию национальной культуры. Главная причина заключалась в том, что в сельском хозяйстве, промышленности и торговле Беларуси господствовали помещики по национальному самосознанию поляки и русские и еврейская буржуазия. Поэтому «белорусы» стали одним из последних народов в Европе, вставшим на путь национальной консолидации.

В 1902-1903 гг. была создана первая национальная политическая партия – Белорусская социалистическая громада (БСГ). Начался новый этап в истории национального движения. В годы революции 1905-1907 гг. громада выступала в качестве единого организатора, идейного и политического руководителя белорусского национально-освободительного движения. Последнее существенно отличалось от национальных движений соседских народов – польского, украинского, литовского, в которых определились национальные партии и организации, различные по социальному составу (рабочие, крестьяне, буржуазия) исключительно многонациональным было и еврейское движение.

Носителями белорусской национальной идеи являлась демократическая интеллигенция – по происхождению шляхетская, а с начала XX в. – и крестьянская. Именно она составила ядро БСГ.

В 1903 г. I съезд Белорусской социалистической Громады провозгласили ее партией трудового народа социалистической ориентации. На съезде было решено достичь для Беларуси краевой автономии с сеймом в Вильно и культурно-национальной автономии для национальных меньшинств.

БСГ взаимодействовала с Партией социалистов-революционеров (ПСР, ПС, ЛСДП и др.). Но не всегда такое сотрудничество осуществлялось на принципах с учетом интересов разных сторон. Так, с ЛСДП в БСГ не было понимания по территориальным вопросам. Выдвигалось требование создать Литовскую демократическую Республику с сеймом в Вильно. В состав будущего литовского государства должна была войти территория «этнографической Литвы», в том числе части Виленской и Гродненской губерний, где большинство населения составляли белорусы. Общероссийские партии социалистической ориентации в своих программах по национальному вопросу не сформулировали положений относительно белорусской национальной государственности и, соответственно, не определили пути их реализации.

Своеобразным явлением стали польско-литовско-белорусско-еврейские собрания, которые с 1905 г. превратились в межнациональные съезды. Но идея автономии Белорусско-Литовского края не была четко сформулирована и принята разными сторонами.

Нормализации межнациональных отношений в сложный период истории Беларуси, Литвы, Украины содействовала «краёвость», концепция политической нации, где определяющим критерием национальной принадлежности было понимание «гражданина края».

10 ноября 1906 г. руководители БСГ начали издавать в Вильно газету «Наша ніва». Вокруг газеты объединилась прогрессивная и образованная общественность. Положительные материалы о деятельности газеты, ее борьбе за развитие белорусской национальной культуры, о творчестве нашанивских писателей систематически печатались в ряде украинских

(киевских и львовских), литовских, чешских, отдельных российских и польских изданий.

Особенно тесным было сотрудничество белорусов и украинцев. В 1908 г. во Львове была напечатана брошюра И.Светницкого «Возрождение белорусской письменности».

В № 4 за 1909 г. (22 января) «Наша нива» перепечатало работу профессора на белорусский язык. В этом же году киевская газета «Рада» в номерах 246, 247, 249 разместила большую статью известного общественного деятеля Д.Дорошенко «Белорусы и их национальное возрождение». Эта статья также была перепечатана «Нашай нивай».

Стремясь к развитию белорусского литературного языка газета «Наша нива», во многом ориентировалась на украинский опыт. В своих двенадцати «Листах с Украины» Янка Журба и Сергей Полуян, которые проживали в Украине, знакомили читателей «Нашей нивы» с ее культурной жизнью. Они писали о том, что и украинский народ стремится больше знать о состоянии белорусской культуры. С.Полуян писал: «Особенно интересуется украинцев сила белорусской поэзии».

«Наша нива» часто размещала на своих страницах переводы украинских государственных произведений: послание «Мертвым и живым» Т.Шевченко (перевод А.Бурло. 1911. № 8); стихотворение «Течет вода в синее море» (перевод Ф.Чернышевича); рассказы М.Чернявского «Первый снег» (перевод Я.Оклич); стихотворения С.Руданского (А.Повлович). без указаний имен авторов в «Нашей Ниве» печатались переводы с украинского языка рассказы «Сердце матери» (перевод Швайко) и стихотворения «Три цветка» (перевод Цётки). В 1909-1911 гг. в газете было опубликовано 10 новел В.Стефаника.

Особенно часто на страницах газеты значилось имя Т.Шевченко. к 95-летию со дня рождения была посвящена фотография и библиографические сведения, а также стихотворение Я.Купалы «Памяти Шевченко».

В 1906 г. из Минска в Вильно переселились братья Антон и Иван Луцкевичи. С этого времени Вильно стало центром белорусского движения (съезд белорусских учителей, первые белорусские газеты, штаб БСГ, сбор экспонатов для белорусского музея). «Наша нива» в 1908-1909 гг. опубликовала первые переводы с литовского на белорусский язык, знакомила белорусских читателей с биографиями и творчеством литовских писателей. Необходимо отметить, что в Литве в 1908 году издавалось на русском языке 12 газет (из них 7 – в Вильно) и литовцы имели более широкие возможности освещать белорусскую тематику. Коенский еженедельник «Драўгія» в 1909 г. опубликовал статью К.Шашкавитиса «Белорусское возрождение». В 1910 г. в газете «Вільціс» появилась большая статья «С белорусской литературы», который был посвящен анализу творчества Я.Купалы.

Практически одновременно с возникновением «Нашей нивы» российская империя вступила в эпоху парламентаризма. Избирательные кампании в Государственную думу и думские дебаты имели исключительно важное значение для будущего белорусской государственности. В сложной ситуации, когда население привлекали на свою сторону многочисленные политические партии «Наша нива» из номера в номер четко выстраивала линию противостояния в белорусско-литовских губерниях – черностенцы-автономисты. Газета поддерживала автономистов.

Выборы в III Государственную думу проходили с 1 сентября 1907 г. в условиях значительного усиления политического режима и условий их проведения от Виленской губернии прошли 2 черносотенца, 4 поляка – помещика и крестьянин – литовец Матвей Циукелис (Свенцянский уезд). Пять последних образовали в Думе «Польско-литовско-белорусскую группу».

Одним из главных вопросов рассматривавшихся на заседаниях Государственной думы III созыва было образование и вопрос языка образования. Депутаты польско-литовско-белорусской группы не соглашались с правыми в том, что только русский язык должен

доминировать и требовали «дайте нам школу, а автономия придет сама собой». Но подавляющее большинство депутатов шли за прамонархическими силами, которые принавали права других народов на свободное существование и развитие, но только в составе единой и неделимой России (еврейский вопрос предлагалось решать отдельно от других «племенных» вопросов).

Газета «Наша нива» с возмущением отмечала, что депутаты от Беларуси, даже крестьяне не заявляют в Думе о нуждах и трудностях своего народа. Она писала о том, что депутаты от Украины объединились в «Украинскую трудовую Громаду», издают газету и поддерживают тесные связи со своими избирателями. «А наши? – утверждала «Наша нива», - не имеют ничего общего с теми, кто послал их в Думу постоять за наш край».

В IV Думе (1912-1917 гг.) 5 депутатов от Виленщины вновь объединились уже в «Белорусско-литовско-польскую группу». Но измененная в названии не изменяло акцентов в деятельности депутатов. Они были пропольско настроенными. И «Наша нива» была вынуждена констатировать, что крестьяне не готовы принимать участие в политике, отстаивать белорусские интересы, поэтому редакция ориентировалась на краевую интеллигенцию, которая выступала за идею автономии белорусско-литовского края.

Таким образом, прогрессивная общественность, в первую очередь славянских народов, понимала большое значение белорусского Возрождения, развития литературы, культуры, языка еще одной самобытной нации.

Политика Российских властей в северо-западном крае, особенности социальной структуры местного населения во многом предопределили замедление процессов формирования белорусской нации, - и относительную ее слабость в сравнении с украинским и литовским национальными движениями. Значительную роль в развитии последних имели части этнических территорий украинцев и литовцев, которые находились вне

границ Российской империи (Голиция, Прусская Литва), чего не имела Беларусь.

В межреволюционный период (1907-1917 гг.) большинство “автономистов” переходили на позиции национальных демократов и воспринимали развитие белорусского и литовского движений как угрозу польским интересам в крае. Национальные отношения осложнились в конце 1915 г. на оккупированной немецкими войсками части исторической Литвы. Все течения польского движения выступили против белорусского и литовского национально-культурного Возрождения. Борьба политических лидеров белорусских и литовских поляков за сохранение экономических и этнокультурных традиций края переросла в сражение за присоединение белорусских и польских земель к польскому государству. Попытка “автономистов” создать “нацию литовцев” потерпела неудачу.

Репозиторий БГМУ

2 Установление основных форм социально-экономического и этнокультурного взаимодействия Беларуси, Литвы и Украины в конце XVIII – начале XX вв.

Идея исторической общности украинцев и белорусов имеет многовековую историю. Истоки ее коренятся в эпохе Киевской Руси, от которой были унаследованы понятия общих для всех православных восточных славян «русской веры» и «русского языка». Связи белорусского и украинского народов имеют богатую и многовековую историю. Общее историческое прошлое, языковое родство, богатое культурное наследие, опыт совместной борьбы с социальным угнетением, чужеземными нашествиями поддерживали связи этих восточнославянских народов. Классовая политика Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, войны и пограничные столкновения с другими феодальными государствами, церковно-религиозные противоречия нередко осложняли развитие этих связей, но не могли прервать их полностью.

В 1978 г. вышла коллективная монография украинских и белорусских историков, которые предприняли первую попытку в историографии исследовать многообразные экономические, политические и культурные связи и многочисленные факты совместного прошлого двух народов. На большом фактическом материале всесторонне показаны общность происхождения, близость территории, истории и языка, их совместная борьба против иноземных поработителей, за развитие материальной и духовной культуры, за социальное и национальное освобождение.

В марте 2003 г. в Минске в Институте истории НАН Беларуси была проведена Международная научная конференция «Беларусь – Україна: гістарычны вопыт узаемаадносін», в которой приняли участие более 100 ученых двух государств. Несмотря на обсуждение многих вопросов совместного исторического прошлого, необходимо отметить, что взгляды на отдельные проблемы белорусских и украинских историков не совпадают. Поэтому заслуживает внимания предложение участников и организаторов

конференции о необходимости расширения научных контактов между историками Беларуси и Украины, более частого обмена достижениями исторических школ обоих государств.

24 ноября 2006 г. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко, выступая на пресс-конференции перед представителями средств массовой информации Украины, отметил, что «...Украина – это не просто наш ближайший сосед, это братская нам страна, с которой у нас большая и славная общая история... Возьмите историю Киевской Руси, откуда все мы вышли. Когда наши предки были каждый сам за себя – их били, превращали в рабов. Когда вместе вставали одной стеной – побеждали».

Исторические судьбы белорусского народа непосредственно связаны с родственными ему по языку и культуре славянами, а также с соседними балтскими этническими общностями. Одной из них являются литовцы. Взаимоотношение белорусов, литовцев и украинцев особенно на пограничных территориях всегда были тесными, как в социально-экономических отношениях, так и в культурном развитии. История белорусов занимает важное место в этнической истории литовцев и украинцев. Последние, в свою очередь, оказали существенное влияние на формирование белорусской народности, а затем и нации. Без взаимного влияния невозможно проследить и этнокультурные процессы, которые проходили столетиями и продолжаются в наши дни.

Исторические события второй половины XVIII ст. привели к созданию «Великой Украины», в границах Российской империи. Кроме бывшего Гетманского Левобережья в состав «Великой Малороссии» вошли - Слободская Украина (Слобожанщина), Правобережье, со всем Поднепровьем, а также, присоединенные, освоенные и заселенные к этому времени, степи малороссийской Новороссии и земли бывшего Войска Запорожского. Вся эта обширная и богатая территория была заселена малороссами, которых известный издатель того времени Фридрих Маркс

называл «населением, сильно смешанным с евреями, поляками, сербами, греками, болгарами и немцами», из которых самой многочисленной составной частью были евреи, расселенные по всей территории, особенно, в Правобережье и Подолии. В административно-политическом устройстве вся территория Малороссии, после кратковременного существования всевозможных «наместничеств» и «малороссийских» и «новороссийских» генерал-губернаторств, стала представлять собой восемь губерний Российской Империи - Черниговскую и Полтавскую, как бывшая территория Гетманщины; Харьковскую, как бывшую Слободщину; Екатеринославскую и Херсонскую, как Новороссию; Киевскую, Волынскую и Подольскую, как истинное Поднепровье и Правобережье. Кроме того, этнографически, можно отнести к Украине и северную часть Таврической губернии. Немало было украинцев в пограничных уездах Бессарабии. Основная масса населения, украинцы и малороссы никаким ограничениям не подлежали и были во всех отношениях равноправны со всем остальным населением России, заполняя собою не только органы местного самоуправления, но и общероссийский административный аппарат, до самых высоких должностей Империи включительно. Язык административных учреждений и суда был русский, что не вызывало никаких затруднений и конфликтов. Без всяких переводчиков население и представители администрации (в большинстве, местные уроженцы) отлично понимали друг друга. В то время как в других областях России, где было невеликорусское население, при судах и учреждениях существовали переводчики, на Украине таковых не было. В немногочисленных на территории Малороссии учебных заведениях преподавание велось на литературном русском языке, заменившем в начале девятнадцатого века старый «книжно-мефодиевский» язык, который, был весьма близок старославянскому, и в Великороссии, и на Украине-Руси.

Твердо включившаяся в жизнь всей России, начиная с девятнадцатого века, Украина, как часть империи, жила жизнью общероссийской и ее история тех времен является частью истории всероссийской. Вместе со всей

Россией она, т.е. Малороссия с частью Новороссии, развивалась и защищала общее Отечество, вместе с ним вела войны, изгоняла врагов, переживала и хорошее и плохое, неизбежное в жизни каждого государства. Когда пришла очередная проба крепости совместной братской жизни во время вторжения французов в 1812-м, Украина-Русь, так же грудью стала на защиту общей родины, как и вся Россия. Бывшая старшина и их потомки, превратившиеся к тому времени в помещиков и потомственных дворян Российской Империи, так же энергично принимали участие в формировании ополчений в помощь регулярной армии, как и помещики великороссийские. Народ охотно шел в эти ополчения, ибо распространялись слухи, что Наполеон идет в союзе с поляками и католиками, память о власти которых еще была свежа в народной памяти, как и память о Мазепе и Полтаве. Общеизвестный факт, что отец настоящего украинского литературного языка Иван Котляревский не только был одним из инициаторов формирования добровольцев Полтавской губернии, но и возглавил один из полков. Именно по инициативе украинских помещиков и дворян было сформировано восемь «малороссийских казачьих полков», которые со временем отличились.

К периоду окончания «Большой войны» в Европе, Российская империя в своих западных владениях, вплотную подошла к границам Австро-Венгрии и Пруссии. События 1831-1833-го годов окончательно завершили раздел Польши и части ее, населенные украинцами земли вошли в состав трех империй. Таким образом, к середине XIX в., территория нынешней Украины была пропорционально разделена между владениями трех европейских монархов.

Однако, усиление России на европейском театре военных действий, ее стремление к решению окончательного вопроса о черноморских проливах, а также победы российской армии и черноморского казачества во время Балканских войн 1825-1828-го годов не только насторожили все оставшиеся империи (Австро-Венгрия, Пруссия и Великобритания) и республики (Франция и Италия, последняя, в определенный период), но и вызвали

определенные адекватные действия. Цена этим действиям – Восточная или, более известная, Крымская война 1853-1856-го годов.

Боевые действия Восточной войны практически не коснулись малороссийских губерний (за исключением, разве что, бомбардировки с моря Одессы), поскольку проходили на всем «приморском фронте» империи – от бомбежки Дьерпа (нынешнего Тарту) на Балтике и Соловецкого монастыря на Севере до попытки высадка десанта в районе Петропавловска-Камчатского. Кстати говоря, обороной, не просто обороной, а героической обороной Камчатки, руководил славный сын полтавской земли Завойко.

Основные события Восточной войны, превратившейся в Крымскую, происходили на землях Таврической губернии, а точнее, в Крыму, в районе Евпатории, а затем Севастополя. И, несмотря на то, что сам Крым вообще, и Севастополь в частности в те годы по праву считались Новороссией, его оборона, т.е. Севастополя, стала еще одной яркой страничкой в героической летописи славы братских народов.

19 февраля 1861-го манифестом Александра II была провозглашена отмена крепостного права. Согласно реформе ликвидировалась личная зависимость крестьян от помещиков. Крестьяне получили право заключать торговые сделки, свободно заниматься промыслом или торговлей, переходить в другие слои общества (мещане, купцы), поступать на службу, в учебные заведения, иметь собственное движимое и недвижимое имущество, свободно им распоряжаться и наследовать по закону. Получили они и гражданские права. Но путь от провозглашения прав и свобод до их реализации был далеко не простым. За полученные земельные наделы, размеры которых, как правило, уступали предыдущим (кроме Правобережной Украины) и которые были наихудшими, крестьян обязали заплатить помещикам выкуп. Из-за отсутствия надлежащей суммы денег они вынуждены были брать их займы у государства, а потом выплачивать с процентами полученный заем на протяжении 49 лет. Так крестьянин попадал в зависимость и от помещика, и от государства. А вот помещикам выкупные

операции приносили большие капиталы, которые они могли использовать для перевода своих хозяйств на рыночные, капиталистические рельсы.

Начиная с середины XVIII в. в экономическом развитии Беларуси происходят значительные изменения. Это нашло свое отражение в увеличении численности населения. Если в 1717 г. в белорусских землях ВКЛ проживало около 1,5 млн. человек, то в 1791 г. - более 3,6 млн. После военного лихолетья постепенно восстанавливалось сельское хозяйство, развивалась внутренняя и внешняя торговля, а вместе с ними и товарно-денежные отношения. В 1766 г. были введены единые для ВКЛ меры веса, объема и длины. Правительство Речи Посполитой ввело единую пошлину, обязательную для всех, в том числе для шляхты и духовенства, которые раньше ее не платили, и отменило внутренние пошлины. Росту внутренних и внешних торговых связей способствовало строительство новых дорог и каналов. Через полесские болота прокладываются пинско-слонимский и пинско-волынский тракты. В 1784 г. было закончено строительство на деньги гетмана М. Огинского канала, соединявшего Щару с Ясельдой, а через них - Днепр с Неманом. Уже во время разделов Речи Посполитой был завершен Днепро-Бугский канал, соединявший Пину с Муховцем - притоком Буга. В 1784 г. по этому пути в Варшаву и Гданьск прошел первый караван судов.

В магнатских фольварках помещики из-за растущих цен на зерно увеличили собственную запашку. Отдельные феодалы с целью увеличения прибыльности своих владений становились на путь радикальной перестройки ведения своего хозяйства. Некоторые из них ликвидировали барщину и заменили ее чиншем. Многие помещики создавали в своих владениях промышленные предприятия мануфактурного типа. Причем монополия цехов на городских рынках обусловила размещение мануфактур в малых городах и местечках, входивших в магнатские владения. Наиболее крупными из них были стекольный завод в Налибоках, Слуцкая фабрика шелковых поясов, железоделательный завод в Вишневе и др. Восстановление сельского хозяйства Беларуси в основном завершилось к 60-м г. XVIII в. В этот период

в Беларуси господствовала смешанная рента. При этом денежная и отработочная увеличивались, а натуральная все больше утрачивала свое значение. Так, еженедельная барщина тяглых крестьян, которая составляла на западе Беларуси в 40 - 50-е гг. 8 - 12 дней с тягловой волоки, к 70 - 80 гг. увеличилась до 10 - 16 дней. В восточной части Беларуси барщина была меньше. Кроме барщины крестьяне выполняли работы по сплаву леса, перевозке грузов, дорожно-ремонтные и строительные работы. По-прежнему они оставались бесправными. Любой шляхтич мог убить или повесить за незначительное преступление своего крестьянина, отдать его за долги ростовщику и т.д.

На усиление феодального гнета крестьяне отвечали чаще всего побегами в другие феодальные владения, в города и местечки, отказывались от выполнения повинностей, поджигали помещичьи постройки. Однако все они имели ограниченный, стихийный, разрозненный и локальный характер.

Социально-экономическая ситуация в Литве тоже отличалась от белорусской по ряду параметров. Во-первых это касается социальной структуры. Ее специфической особенностью в конце XVIII – первой половине XIX века была чрезвычайно значительная по численности группа свободного населения. Например, в Ковенской и “литовской” части Виленской губернии общая численность его составляла свыше 100 тысяч человек, а удельный вес – 22 % от всего населения. Для сравнения, на территории “белорусских” уездов Гродненской и Виленской губерний подобная категория населения насчитывала всего лишь девять тысяч человек, или 3 % от всего населения. При этом необходимо отметить, что, например, в Могилевской губернии эта категория была практически не представлена.

Иван Котляревский и его «Энеида» стали родоначальниками настоящей украинской культуры и литературы. Развитие это шло по направлениям, которые не отделялись от общероссийской культуры, а скорее, по путям сближения. При развитии относительно бедного и «засоренного» польскими словами и понятиями народного украинского

языка в литературный, недостающие слова и понятия заимствовались из русского литературного языка, и это, естественно, вело к сближению. Язык Пушкина и Жуковского, через переосмысление Котляревским, а, со временем, и Гоголем, пришел на землю Руси. Но не только язык пришел на Украину, но и уважение к ней и ее народу со стороны брата, представляемого сегодня в «очень неправильном свете». Представления об угнетении малороссов в царское время было «коронкой» Троцкого сотоварищи, оно же, сегодня «взято на вооружение» частью специалистов исторического направления в исследовании отношений Украины-Руси. А так ли было на самом деле? Неплохо, в историческом понимании, конечно, сложилась судьба малороссов, которые, занимали в Российской армии различные должности, до высших командных включительно, ибо для украинцев никаких ограничений не существовало. Унаследованная же, надо полагать, от предков, поколениями боровшихся с поляками и татарами, склонность к военному делу, выдвигала непропорционально высокий процент украинцев на командные должности, что и до сих пор отмечают российские военные историки. Не меньший успех имели украинцы и на государственной службе в Российской Империи. Уже во времена Екатерины Великой (да и Розумовского можно вспомнить при Елизавете Петровне) среди высших сановников Империи мы видим украинцев Безбородко и Трощинского, внесших огромный вклад в государственное строительство. Ближайшим советником и другом Александра I был Кочубей (внук). Описывая положение «грамотных» украинцев в общероссийской администрации, все тот же Иван Котляревский, устами простого казака Михаила из пьесы «Москаль-Волшебник» или «Москаль-Чарівник» говорит: «вот загляни в столицу, в одну и другую, да загляни в Сенат, да на министров, да тогда и говори, годятся ли куда наши или нет!». Эту отповедь Михаил дал солдату, который сказал, что мол «хохлы никуда не годятся»... А в конце девятнадцатого века Великий Лев, он же, Толстой подтверждая слова Михаила, рассказывал, как в Петербурге «все департаменты переполнены малороссами».

Вряд ли нечто подобное можно было увидеть в Австро-Венгрии в тот же период, хотя процентное соотношение украинцев было не намного различным.

Тем не менее, возникает вполне закономерный вопрос, если так хорошо относились в Великороссии к украинцам, то почему во второй половине девятнадцатого века возникло сильное национально-культурное движение украинцев «Просвита»? Ответ следует искать в основе крепостничества, упраздненного «де-юре», но, далеко не «де-факто», особенно, на Украине. Общее положение «простого люда» в Малороссии, в основном, соответствовало социальному всей империи. Самая малая часть населения Малороссии-Украины жила в городах (менее десятой части), в то время как основной частью были «частновладельческие» или, проще говоря, крепостные крестьяне, «государственные», т.е. раскрепощенные крестьяне и казаки. Распределение их в разных частях Украины-Руси было различным, как и различным было и их положение. Наиболее тяжелым было положение крепостных, всецело зависевших от произвола помещиков. По данным 1860-го, перед ликвидацией крепостного права, на всей Украине было пять миллионов крепостных, при общем населении Малороссии в тринадцать (хотя во всей остальной части Российской империи это соотношение было значительно более и достигало почти девяносто процентов). Наиболее «крепостническим» было Правобережное, т.е. та часть Украины, где положение сельского населения было наиболее тяжелым. Помещики там были исключительно поляки, которые смотрели на своих православных крестьян, как на бесправных рабов и соответственно с этим с ними обращались. Увы, православное царское правительство стояло на страже существующего социального порядка и всемерно его поддерживало. Всем помещикам были даны права и привилегии российского дворянства, долго еще оставались в силе некоторые польские законы, к которым они привыкли, а в судах основным был польский язык.

Именно такое положение дел и вызывало желание малороссийского люда и части новой украинской интеллигенции бороться за свою культуру, свой язык, но не как противостояние всему русскому, а польскому...

В Галичине, бывшей под властью Австрии, в значительной степени, ополяченной и окатоличенной, тоже появились первые и, конечно же, робкие признаки национально-культурного возрождения и стремления к слиянию с общерусской культурой. Но во всю первую половину позапрошлого века, кроме издания небольшого альманаха, вскоре, конечно же, запрещенного, более проявлений национально-культурной деятельности, до известной венгерской революции 1848 года, поддержанной русинами, не было. Воссоздавая свой язык и свою культуру, украинский народ Украины-Руси не утратил любви к родному русскому языку и родной истории Руси-Украины. Благодаря заслугам Котляревского, ему было позволено (о чем уже говорилось) писать и печатать на родном украинском (малороссийском) языке. И, начиная с третьего десятилетия девятнадцатого века, на Украине-Малороссии, в достаточно массовом количестве, появляется литература на украинском языке, вместе с которой, наблюдается повышенный интерес, в том числе и в Петербурге, к прошлому Украины, к ее культурной жизни. Эти шаги были, со временем, поддержаны Нарезным, Квиткой-Основьяненко, Артемовским-Гулаком, Гоголем, Шевченко, Бантыш-Каменским, «подававшим» свои труды как на русском языке, так и на украинском. А талантливые Максимович и Лукашевич продолжили их дело не только в публицистике, но и в серьезных научных исследованиях на ниве истории Руси-Украины. И, что еще интересно, главным культурным украинским центром середины позапрошлого года были Харьков и Одесса, со своими украинскими театрами открывшимися ранее, чем в Киеве (в Одессе в 1804-м, в Киеве в 1806-м), первыми альманахами, вестниками, сборниками. Все, конечно же, на украинском языке.

В то же самое время, но на другой части Украины-Руси, т.е. Австро-Венгрии, происходили совсем иные события. Михаил Сергеевич

Грушевский честно и откровенно сказал, что: «В западной части Украины все покрыла Польша: польское и ополяченное дворянство, более богатое мещанство и даже высшее духовенство (униатское) были ополячены и польскими глазами смотрели на прошлое и настоящее своего народа». К этой картине культурной жизни части Украины-Руси, остававшейся вне России, следует прибавить описания Андрея Дикого, как относилась Австро-Венгрия и ополяченные высшие классы Галиции к попыткам проявления национально-культурной деятельности населения. Когда группа галичан захотела, по примеру Российской Украины, издать свой один-единственный альманах и отпечатала таковой в Будапеште, в 1837-м, назвавши его «Русалка Днистровая», он был немедленно конфискован, а инициатор издания - Шашкевич подвергся преследованиям.

Но, опять это пресловутое «но». Несмотря на рывок в национальном развитии украинцев-малороссов, жизнь основной части населения всей Российской империи была абсолютно одинаковой. Уже в начале «золотого века» широкие массы сельского населения в смысле тяжести крепостного права, ни чем не отличались от великорусских крестьян. А на Правобережье, где сохранилось много из крепостнической практики Польши, положение крепостных было еще тяжелее, чем в Великороссии. Счастливое исключение представляли собою казаки Левобережья, не знавшие крепостного права, да некоторые категории сельского населения, по «екатерининскому благословию» заселявшейся тогда земли Новороссии. Жестокий опыт «военных поселений» Аракчеева одинаково терпели государственные крестьяне и великороссийских губерний, и малороссийских. Одинаково переносили и тяжесть четверть вековой военной службы и великороссы, и украинцы-малороссы. Только в 1839-м была отменена система сдачи в аренду имений с государственными крестьянами, которые взамен были обложены денежной повинностью. Свободных казаков на Правобережье не было вообще, т.к. Польша успела всех закрепостить. К этому же времени относится и судьбоносный документ, определяющий порядок массового

проживания евреев в империи, прибывших в Россию из Польши и Румынии, их расселения, или «оседлости» (откуда и появился термин «черта оседлости») в определенных губерниях (далеко, не самых худших), установления системы общественного управления, путем назначения кагальничего и т.д. Таким образом, становится вполне обозримой картина недостаточного внимания со стороны государственного аппарата к своим национальным подданным.

Вместе с тем, в отношении развития украинской культуры и языка, политика развивалась по синусоидальному принципу, т.е. то шла вверх, то затухала, переходя в упадок, а временами, и запрет. Открытие сотни воскресных малороссийских школ дало импульс к развитию культурной деятельности вообще и на легализацию малороссийского языка, в частности. Но есть версия, причем весьма и весьма подтвержденная, что в дело усиления культурно-национального возрождения Украины-Руси вмешалась Австро-Венгрия, а точнее, часть польской шляхты «приближенной к императору». Видя серьезность национального возрождения в Российской империи малороссийского вектора, была разработана программа по дискредитации как самой петербургской группы малороссийской культуры, так и Кирилло-Мефодиевском Братства. Причем обставлено это было таким образом, будто вся инициатива по возрождению «украинства во всем его проявлении», исходило из Вены и Кракова...

Насколько она серьезна, сегодня говорить трудно, но если сложить все исторические составляющие того времени с учетом событий 1861-го в Польше (очередное восстание), то может получиться очень колоритная картина, ставшая одной из причин издания знаменитого Эмского указа. Так, например, «Петербургский Комитет Грамотности», в 1862 году, обратился к правительству с просьбой «разрешить преподавание на малороссийском языке в начальных школах Украины», а в прилагаемом при прошении списке книг для школ больше половины было украинских. Это предложение вызвало горячую полемику об украинском (или, как отмечалось

в документах того времени - малороссийском) языке вообще, и о его пригодности в культурной жизни. В «языково-культурный спор» вмешались и поляки, которые, по словам Грушевского, «хотели подтянуть украинцев под свою старую историческую Польшу», от мысли восстановления которой, они не отказываются никогда. Как и всегда, в прошлом, «щира турбота» поляков об украинцах ни к чему хорошему не привела: противники украинского языка начали распространять слухи о тесном сотрудничестве сторонников украинского языка с поляками, которые тогда подняли восстание. Результат не замедлил сказаться в виде Эмского указа, который и приостановил развитие общеукраинской культурной реформы. Вслед за закрытием Обществ и Братства, вскоре был введен ряд ограничений для украинской культурной деятельности: на украинском (малороссийском) языке (по официальной терминологии — «наречии») было разрешено печатать только исторические памятники, а из новой литературы только произведения беллетристические (стихи, пьесы, повести, рассказы, романы), при этом по общероссийскому правописанию, а не по правилам новосоздаваемых «грамматик». Украинские концерты, представления, доклады были вообще воспрещены. В результате, украинская национально-культурная деятельность замерла.

А в Галиции в это время, как известно, Австро-Венгрия, в своих целях, делала ставку на украинское движение и создавала возможность для его развития. Русские «украинофилы» потянулись туда. Как когда-то в семнадцатом веке центр культуры Украины-Руси переместился из Львова на восток, в Киев, так, в конце 60-х девятнадцатого века, началось перемещение в обратном направлении. Создалось положение, когда «все вдруг» оказались довольными. Довольно было недалновидное царское правительство тем, что «беспокойный элемент» сам уезжал за границу; довольна была Австрия и польская ее составляющая, дальновидная политика которой умело культивировала идеи украинского сепаратизма, понимая под ним, отторжение от России всей Украины и присоединения ее к Галиции и все это

в границах Австро-Венгрии; относительно довольны были и «украинофилы» российской Украины, ибо, вместо арестов и ссылок за свою деятельность, они получали возможность ее развивать и продолжать в Австрии.

К началу XIX в. с точки зрения темпов формирования национальной общности белорусы значительно отставали от большинства народов Европы. Деятнадцатый век часто называют «веком народов». Именно с этого века этничность становится одним из важнейших факторов истории, и в особенности европейской. Такое значение этничности обусловлено ее соединением с политикой в рамках национальных движений. Сплетение этничности и политики приводит к формированию наций, вне зависимости от того, этничность ли используется политикой для их создания или политика создает эту этничность. Эти процессы составляют основное содержание этнической истории нового времени. Сравнительный анализ многочисленных факторов и составляющих национальных процессов дает возможность выяснить причины опережающего развития национальных движений у соседних с белорусами народов.

Развитие литовского национального движения также опережало белорусское, хотя и оно находилось на латентной стадии развития. В первой половине XIX в. появилось достаточно большое количество публикаций на литовском языке. Среди них наибольшее значение имела публикация в 1818 г. поэмы К.Донелайтиса «Поры года», ставшей вдохновляющим примером возможности литературной обработки литовского языка. Л.Реза, осуществивший публикацию поэмы К.Донелайтиса, издал в 1825 г. первый сборник литовских песен – дайн. Большое значение имела деятельность ковенского епископа Й.Гедройца, способствовавшего формированию группы литераторов, происходивших главным образом из низших слоев жемайтской шляхты. Именно в этом кругу сформировались первые элементы этнолингвистики детерминированной идеи литовской нации. Значительную популярность в это время приобрело творчество А.Страздаса, Д.Пошки, С.Станевичюса. Особо необходимо отметить издательскую

деятельность В.Ивинскиса, опубликовавшего 17 календарей, предназначенных для массового литовского читателя.

Особенностью ситуации в Белоруссии и Литве того времени было то, что польскоязычные публикации по истории Литвы и Великого княжества Ливонского, включая работы И.Даниловича, Ю.Крашевского, Т.Нарбута и многих других, как бы они не были связаны с историей Белоруссии, в первую очередь объективно «работали» на формирование литовского национального самосознания. Отметим, что, например, фундаментальный труд «Картина Литвы с точки зрения ее цивилизации с древнейших времен до конца XVIII века» (1844), автора которого И.Ярошевича нередко причисляют к белорусским «возрожденцам», на самом деле посвящена почти исключительно этнической Литве. Одного его было вполне достаточно для формирования позитивно окрашенного национального исторического мифа. Подобное значение, если не большее, имела романтическая литература и, в первую очередь, творчество А.Мицкевича. Профессор истории Йельского университета (США) Т.Снайдер, который специализируется на политической истории Центрально-Восточной Европы отмечает, что «... ежели добросовестно отражать исторические тенденции, Мицкевич должен был стать не поляком и не литовцем, а белорусом. Мицкевич родился среди восточнославянского крестьянства, которое мы бы сегодня назвали белорусским. На этом же фоне происходит и действие «Пана Тадеуша» Этническая современная национальная идея, которая охватывала бы Литву Мицкевича, должна была основываться на языке большинства – диалектах, которые сегодня мы бы назвали белорусскими. Однако именно этого и не произошло. Этническая национальная идея – сила политическая, ее успех или поражение не зависит от размера, как теперь говорят «этнических общностей». Политика открыла широкое поле для интерпретаций «Пана Тадеуша» в духе, максимально удаленном от первоначальных авторских намерений – в духе литовского и польского этнического национализма. И она

же фактически оставила без внимания самое точное отражение идей Мицкевича в политике – белорусский и польский федерализм».

Утрата белорусским языком статуса официального языка, исчезновение традиции создания литературы на белорусском языке, полонизация (языковая, культурная, ментальная) белорусской шляхты и мещанства привели к тому, что Беларусь к началу XIX века на довольно продолжительное время перестала быть субъектом собственной истории.

Тем не менее, «золотой век» дал нам Шевченко, Драгоманова, Чубинского, Квитку-Основьяненко, Котляревского, Франко, Гулака-Артемовского, Шашкевича, Вагилевича, Головацкого, Костомарова, Грушевского, Коцюбинского, Гоголя, Чекановского, Кулиша (Кулеша), Антоновича, а также много других прославленных украинцев, родоначальников современной украинской литературы, искусства, культуры и истории, деятельность которых во многом повлияла на этнокультурное взаимодействие России, Украины, Беларуси в XIX в.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

3 Выявление внешних факторов оказывавших влияние на формирование белорусской нации. «Борьба «западнорусских» и польских националистических группировок с белорусским национальным движением».

В наше время несомненным является тот факт, что заметно вырос интерес исследователей к проблеме формирования белорусской нации. Значительно возросло и количество научных работ, в которых рассматривается данная проблематика с привлечением широкого круга исследователей на новой источниковой базе. Современная белорусская историческая, социальная, экономическая, политическая науки охватывают все новые аспекты. Но практически во всех исследованиях и теоретических моделях, которые пытаются объяснить особенности развития нациостроительных процессов на белорусских землях, не достаточно внимание придается фактору цивилизационного Пограничья. Пограничье является пространством активного взаимодействия культур, государственных и церковных институтов. Индивид осознает собственную этничность тогда, когда сталкивается с иными образцами культуры, с иными моделями поведения. Это создает сложную проблему выбора собственной этничности, и такой выбор представляет собой интереснейшую проблему для микроисследований. А на макроуровне Пограничье выступает пространством столкновений и борьбы коллективных институтов – государственных структур, церкви, консолидированных и активных национальных движений. Борьба этих сил в большей степени является также борьбой идеи, конкуренцией между различными национальными проектами. Белорусское национальное движение в начале XX в. вынуждено было противостоять национально-культурной ассимиляции со стороны России и Польши, должно было выдержать конкуренцию с российским имперским проектом «обрусения Северо-Западного края» и «краёвый проект». Последние, по утверждению белорусского историка А. Смоленчука, пользовался достаточно широкой поддержкой в польском обществе Беларуси и Литвы. Все эти национальные проекты и движения находились в ситуации постоянного взаимодействия и взаимовлияния.

После восстания 1863 г. польское движение было подавлено правительственными мерами. Не было органов печати, прекратилась издательская

деятельность. Польская культура сохранилась лишь в семьях, затем она постоянно проявлялась в попытках устраивать школы для обучения польскому языку, культуре. Будучи тайными, эти школы вызывали к себе симпатии прогрессивной общественности. После отмены в 1905 г. ограничений в отношении языка появились польские школы, театр, польские издания, общества. Стало заметным оживление в области воинствующего полонизма. Нарождались общества, которые ставили целью выработать прежде всего чувство патриотов – поляков, и эти общества направляли свою деятельность для ополячивания белорусов и литовцев.

Большой популярностью стало пользоваться Виленское общество «Освята», имевшее отделение в Минске, Несвиже и других городах. После 40-летнего перерыва вновь издается «Курьер Литевски», «Новины Виленские» и «Газета Виленска». Появляется рабочая газета «Эхо» и ряд изданий для юношества. О размере польского движения в Вильно можно судить по тому, что в 1912 г. в старой столице Литвы и Беларуси выходило 14 изданий на польском языке. Если к этому прибавить десятки ежегодно выходивших книг, то придется признать, что польское культурное общество проявляло оживление в весьма значительном масштабе.

Научное общество «Пильятеле науки» имело несколько сотен членов, громадную библиотеку, ряд изданий, музей. Польский театр в Вильно обладал крупными артистическими силами. Конституционно-католическая партия возглавляемая епископом Э. Роппом также имела огромное влияние, стараясь привлечь на свою сторону и белорусов и литовцев.

Большинство белорусской шляхты считали себя поляками, гордились своей принадлежностью к католическому вероисповеданию и польской культуре. Такая стратегия помогала сохранять корпоративную солидарность, отстаивать свое привилегированное положение в местном обществе, которому угрожала новая интеллигенция крестьянского происхождения и западнорусской ориентации. Те же представители шляхты, кто выбирал белорусское самосознание воспринимались в своей среде как чудаки, но именно они сыграли исключительно важную роль в становлении белорусского национального движения в начале XX в., среди лидеров которого видим В. Ивановского, братьев И. и А. Луцкевичей, В. Ластовского,

К. Костровицкого и др. представителей шляхетского сословия, родовитой аристократии, которая крепко держалась давних традиций, а также была склонной к космополитизму. Этноязыковая модель нации не особенно нравилась, поскольку в условиях этноконфессионального пограничья заключало в себе потенциальную опасность вооруженных конфликтов. В этой среде определенную популярность приобрела крайняя идея, которая предусматривала сохранение политической и культурной автономии исторической Литвы или бывшего Великого княжества Литовского как полиэтнического края. Выходец из среды поместной шляхты М. Павликовский вспоминал: «Минские поляки, осознавая традицию Речи Посполитой обоих народов, называли себя перед Первой мировой войной литвинами, в отличие от жителей Польского королевства». Околичная шляхта отличалась польским патриотизмом. Одновременно все более набирал силу польский шовинизм в «эндецкой» (от названия «национальных демократов», одной из главных политических сил в польском национальном движении того времени) версии.

Помещик Могилевской губернии К. Борисевич в своих воспоминаниях так описывал национальные отношения. «... на национальной почве антагонизмы не проявлялись вовсе. Белорусский народ, занятый тяжелым трудом добывания хлеба насущного, не мог выделить из своей среды борцов за национальное возрождение. Зато заслуги местного польского элемента в истории белорусской письменности являются огромными. Насколько соперничающая с нами на той территории российско-царская культура была захватнической и уничтожала местные особенности, настолько здешние поляки в своих высказываниях подчеркивали, что белорусский народ, как и каждый другой имеет право на национальное независимое развитие».

Если в общем польское движение не носило агрессивного характера или если этот характер ступовывался в ответственных официальных выступлениях организаций, если «Курьер Литэвски» заявлял себя тесно связанным с тем народом среди которого живут поляки в течение нескольких веков и объявлял своим лозунгом работу «за нашу и вашу свободу», если «Газета Виленска» объявляла о том, что она издается для Литвы и для Беларуси и отдает себя на служение краю, то все же это развитие польской культуры представляло собой опасность для белорусского

национального движения. При господствующих неопределенных взглядах на принадлежность к той или иной национальности, при условии, когда многочисленные классы населения неотчетливо отличали религию от национальности, при том большом соблазне, который представляла собой высоко развитая польская культура в сравнении с молодой белорусской, это движение, естественно могло увлекать и коренных белорусов.

В общественно-политической жизни Беларуси начала XX в. важную роль играли организации, стоявшие на позициях западноруссизма, идеологической доктрины отрицавшей существование белорусского народа как самостоятельного этноса, рассматривавшей белорусов в качестве части единого большого русского народа, приравнивавшей белорусский язык к наречию русского.

Политические организации данного типа появляются на территории Беларуси во время первой российской революции, после издания манифеста 17 октября 1905 г. о свободах.

В конце этого же года в Вильно образуется инициативная группа во главе с преподавателем гимназии С.А. Ковалюком. С начала 1906 г. начал выходить журнал «Крестьянин» вначале под редакцией учителя А.С. Вруцевича, а затем – Вруцевича и Ковалюка.

Цель организации определялась довольно либерально: «...путем устного и печатного слова содействовать умственному и нравственному развитию крестьян Северо-Западного края, пробуждать в них, на основах манифеста 17 октября 1905 г., сознание свободных и равноправных граждан России, защищать на почве законности их экономические и правовые интересы и оказывать нравственную и материальную поддержку своим членам». В члены общества принимались крестьяне и представители других сословий христианского вероисповедания, в том числе и католики. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет, располагавшийся в Вильно. Его председателем стал С.А. Ковалюк, заместителем председателя – А.С. Вруцевич. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все губернии Северо-Западного края, но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

«Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. В национальном вопросе С.А. Ковалюк, А.С. Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае. Резкой критике «Крестьянина» подверглась и деятельность белорусской газеты «Наша Ніва». Редакция журнала отмечала, что с 1905 – 1906 гг. польская и часть русской периодической печати стараются уверить своих читателей, что белорусы не ветвь русского народа, а отдельный этнос. Кроме этого, появилась газета, издающаяся на «белорусском языке», который настоящие белорусы признать своим не могут: в нем слишком много польских слов. «Крестьянин» указывал, что эта газета – «Наша Ніва». Примечательно, что в том же номере было помещено письмо от крестьянина Могилевской губернии И. Михайловского, просившего редакцию журнала спасти его от «жидов и поляков, которые не дают ему возможности разговаривать на русском языке и оскорбляют преданного сына России». Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Л.М. Солоневич, его заместителем – П.В. Коронкевич, секретарем – П.И. Кореневский. Все трое на тот момент работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно.

Между тем 21 декабря 1908 г. была утверждена политическая платформа «Белорусского общества», опубликованная 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич, издателем – чиновник контроля Полесских железных дорог А.С. Кудерский. Первоначальный тираж газеты составил 6 тыс. экземпляров, которые предназначались в основном для народных учителей и волостных писарей в расчете на то, что они будут распространять идеи редакции среди простых крестьян.

Платформа «Белорусского общества» основывалась на утверждении, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным

статусом края. В одной из передовых статей «Белорусской жизни» редакция следующим образом определяла свое отношение к белорусам: «Поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание, расшевелить его дремлющие умственные силы, вдохнуть в него веру в себя, в свое право на первородство, указать ему пути для выхода из того тяжелого экономического положения, в которое он поставлен исключительными историческими и этнографическими условиями края. . .».

Лидеры «Белорусского общества» весьма мрачными красками рисовали жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображали их забитыми и угнетаемыми с одной стороны шляхтой, с другой – евреями-предпринимателями. «Буйное и своевольное шляхетство в союзе с еврейской народностью, задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования Польши [*Речи Посполитой*. – Д.Л.] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни. . .», – утверждал Л.М. Солоневич.

По мнению идеологов «Белорусского общества», не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т. к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Л.М. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились.

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю связывался с отменой крепостного права и подавлением восстания 1863 – 1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Л.М. Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями.

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью русского народа, без единения с великороссами в рамках Российского государства, их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между великороссами и белорусами, по мнению Л.М. Солоневича, П.В. Коронкевича и их сторонников, были различиями внутри одной нации.

Большинство православных белорусов, по мнению редакции «Белорусской жизни», бесповоротно признало превосходство русского языка. Белорусы же католики в этом отношении находились на полудороге.

В ряде статей в «Белорусской жизни» давалась характеристика социальной структуры белорусского народа. «Национальные силы нашего края слагаются из следующих элементов: духовенства, простонародья, поместного класса частью дворянского, частью недворянского, чиновничества и интеллигенции, стоящей вне этих групп», – писалось в передовой статье в апреле 1911 г.

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, «Белорусское общество» в то же самое время признавало национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Л.М. Солоневич считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ в праве ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем».

Для экономического и культурного развития крестьян, по мнению Л.М. Солоневича и П.В. Коронкевича, необходимо было ввести в Беларуси выборные земства. В 1909 г. «Белорусским обществом» был разработан собственный проект земской реформы, представленный в Совет министров.

Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич на страницах «Белорусской жизни» отдавали дань уважения П.А. Столыпину.

Для пропаганды своих программных положений «Белорусское общество» смогло наладить с 1 января 1911 г. ежедневное издание «Белорусской жизни». Необходимость регулярного выпуска газеты объяснялась со стороны редакции тем, что, по ее мнению, в Беларуси, за исключением «Крестьянина», не было народных периодических изданий. «Крестьянин» же оценивался весьма негативно: «...единственный журнальчик, который мог бы сослужить свою службу, ведется до того бездарно и бесталанно, что не может выдержать никакого сравнения с прекрасно поставленными польскими народными изданиями...». К последним причислялась и «Наша Ніва». Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич негативно оценивали деятельность редакции этой газеты, считая ее направленной на отрыв белорусов от России. В одной из

редакторских статей отмечалось: «Каков путь указываемый белорусам «Нашай Нівай» и куда он ведет? В костел и в польщизну». Далее редакторы «Белорусской жизни» делали вывод: «Ее задача [*«Нашай Нівы»*. – Д.Л.] отрезать белорусов от русской культуры, от единого и общего русского отечества». Poleмика с «Нашай Нівай» стала одним из приоритетных направлений деятельности «Белорусского общества».

9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Л.М. Солоневич начал издавать собственную газету – «Северо-Западную жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле последнее почти на год осталось без своей газеты. Председателем Правления общества стал П.В. Коронкевич, его заместителем – Н.А. Бовдзей. Только 17 июня 1912 г. накануне выборов в IV Государственную думу «Белорусское общество» смогло наладить издание своего нового печатного органа – газеты «Белорусский вестник». Издателем газеты был П.В. Коронкевич, редактором – Н.А. Бовдзей.

К приверженцам белорусской «партии» относилась «тутэйшая» интеллигенция, мелкое чиновничество, сельские учителя, фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (в виду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правою, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», – такую обобщенную характеристику давали в МВД и «Белорусскому обществу» и «Нашей Ніве».

Источниками для написания параграфа являются статьи и другие произведения, подготовленные Ю. Пилсудским и Р. Дмовским и опубликованные в партийных изданиях 1892-1908 гг., а также воспоминания этих деятелей, некоторые документы ППС и Национальной Лиги. В 1970-е гг. начинается более-менее объективное освещение деятельности БСГ и ППС. В следующем десятилетии исследователей привлекают внимание не только проблемы социалистических организаций, но и других партий. В 1988 г. вышло коллективное исследование под редакцией А. М. Орехова. В последние годы наиболее основательно проблемами связанными с

польскими политическими организациями занимаются А.Ф. Смоленчук и Ю.В. Китурко.

Активная революционная деятельность будущего лидера Партии Польской Социалистической началась в 1892 г. после его возвращения с сибирской ссылки. С этого года он активно включается в подготовку материалов для партийной печати и принимает непосредственное участие в распространении ППСовской литературы. Ю. Пилсудский считал белорусские земли частью польской территории. В его понимании Беларусь и Литва были неразделимы от Польши. Он стремился включить Беларусь в общую борьбу с царизмом за независимость Польши. Его мало интересовали проблемы белорусской нации, так как в этот период белорусское национальное движение не проявляло себя. И даже после революции 1905-1907 гг., когда лидер ППС отошел от социализма его отношение к белорусскому народу не изменилось. Белорусское национальное движение он стремился использовать в своих политических целях, но не доверял белорусским деятелям и стремился навязать им контроль со стороны ППС.

Р. Дмовский лидер национал-демократии придерживался тезиса о возрождении Речи Посполитой в границах 1772 г. с включением в ее состав земель бывшего ВКЛ, в том числе и Беларуси. Самой значительной работой Р. Дмовского в 1900-х гг. стала книга «Мысли современного поляка» где он раскрыл свое понимание главных задач, которые стояли перед польской нацией в начале XX в. Решение части из них согласно взглядам лидера «эндеков» непосредственным образом затрагивали интересы белорусской нации.

Для Ю. Пилсудского наиболее предпочтительным был вариант добровольного вхождения Беларуси в новую Польшу. Лидер «эндеков» требовал включения Беларуси в состав Польского государства с целью его полной полонизации.

Оба политика не высоко оценивали белорусов как отдельный этнос. Ю. Пилсудский относил их к категории «неисторических», Р. Дмовский считал, что белорусский народ по его национальному развитию не заслуживает называться по другому как «племя». Упоминание о белорусском национальном движении даже и в начале XX в. у обоих практически не встречается. Хотя Ю. Пилсудский в 1905 г.

пробовал установить контроль над белорусскими организациями путем их объединения со своими филиалами на белорусских землях – Социалистической партии Белой Руси и ППС на Литве. Но эти планы потерпели крах.

Ю. Пилсудский и Р. Дмовский относились к представителям других наций, которые проживали на территории Беларуси в зависимости от того, как те относились к возрождению Польши. Русских оба считали захватчиками и проводниками политики царского правительства на землях бывшей Речи Посполитой. У лидера ППС даже деятельность российских революционеров на белорусских землях, не смотря на их враждебное отношение к царизму, вызывало неудовольствие. Ю. Пилсудский ничего не имел против евреев. В свою очередь Р. Дмовский был ярким антисемитом, и еврейский вопрос на территории Беларуси имел только один определяющий аспект: евреи являлись конкурентами поляков на землях где должен был, по его мнению, господствовать неограниченный польский национальный интерес.

Игнорирование жизненных интересов белорусского народа польскими лидерами в значительной степени стал основой для будущих белорусско-польских конфликтов после Первой мировой войны и событий 1917 г. в Российской империи.

Вплоть до начала XX в. литовцы и белорусы делили общую судьбу как во времена взаимного расцвета, так и в период общественно-политического упадка, когда земли бывшего Великого Княжества Литовского были под властью царской России. Однако далее под влиянием разных факторов развитие обеих частей некогда единого общественного организма пошло разными путями. Литовцы добились возможности два десятилетия жить самостоятельной государственной жизнью, а белорусы были вынуждены разделиться. Часть из них оказалась под польской властью, часть была включена в процесс формирования советской цивилизации.

Естественно, что процесс создания новой геополитической ситуации сопровождался недоразумениями и даже напряжением в общественном, культурном и научном дискурсе. Хотя тема литовского влияния на процессы, которые происходили на белорусских землях в начале XX в. особым вниманием не пользовалась, тем не менее, как в литовской, так и в

белорусской историографии есть немало работ, в которых рассматриваются отдельные эпизоды белорусско-литовских взаимоотношений.

Профессор Ельского университета (США) Тимоти Снайдер, который специализируется на политической истории идеи модерной Центрально-Восточной Европы считает, что после восстания 1863 года на белорусских и литовских землях было создано социальное пространство для литовского национального движения и ликвидировано то немногое, что было у белорусов.

«Пришло новое - современное поколение литовских национальных деятелей, между тем, к белорусские патриоты остались между притягательной польской культурой и сильной российской властью».

На первый взгляд кажется, что перед трансформацией общества положение литовцев по многим культурным аспектам было не лучшее, чем у белорусов. Обе культуры были крестьянскими, они вместе очутились под одновременным влиянием формирования современных польской и русской наций.

Однако в силу ряда причин к началу XX в. литовская культура оказалась более жизнеспособной. Литовский этнос в отличие от белорусского не был славянским, его от поляков и русских отличало большее культурнолингвистическое расстояние. Русские и поляки не конкурировали между собой за привлечение литовцев в свою культуру на религиозной основе, как в случае с белорусами, потому что абсолютное большинство литовцев, которые находились в Российской империи, были католиками. Литовцы, как и украинцы в Галиции, имели мощный культурный тыл в Восточной Пруссии, где не ощущалось непосредственное влияние русских и поляков. Литовский этнос проживал хотя и в угасающем, но всё же эпицентре простой и понятной государственной идеи ВКЛ, как государства этнических литовцев (идеи литовцев как основного народа Великого Княжества) и уже только одним этим мог обосновывать преемственность национальной идеи. В Беларуси в это время преобладали идеи

«западнорусизма». Идея этнической Беларуси с опорой на простой народ и его язык прививалась в среде белорусских национальных деятелей значительно тяжелее, чем идея этнической Литвы в среде литовских.

По мнению Т. Снайдера «Хотя литовская национальная идея требовала необычайного полета исторической фантазии, было значительно проще придумывать историю, чем менять традицию, меняя поведение элиты. Традиция имеет отношение к тому, что делается сейчас, между тем как история рассказывает о том, что было когда-то давно. Где заканчивается традиция и начинается история в большой степени зависит от социального происхождения национальных деятелей. Тут литовцы получили неожиданное преимущество перед белорусами. Выходцам из простых сословий общества, семьи которых никогда не играли никакой роли в политике в раннее Новое время, было проще понимать всё прошедшее, как историю. Литовские деятели - крестьянские дети, многие из которых обучались на русском языке, - проскочили несколько столетий и заговорили про возрождение. Белорусские деятели – польскоязычная римо-католическая шляхта - погрязли в трясине правдивой традиции, которую они восприняли от своих отцов и дедов».

Во время революции 1905 г. литовцы добились от царских властей значительных уступок. Хотя в новых условиях им было тяжело принять мысль, что историческая Литва должна возрождаться как многонациональное государство литовцев, белорусов, евреев и поляков, которую еще раньше высказывали Енас Басанавичюс и Енас Шлюпас, в процессе практического усвоения многонациональных культурных достижений у некоторых литовских деятелей появилось твердое намерение вместо польской культуры установить литовскую в этнических границах Литовского государства.

Руководитель Литовского информационного бюро в Швейцарии Юозас Габрис в январе 1915 г. еще до немецкой оккупации в издании Лиги Наций «Les Annales des Nationales» и в журнале «Pro Lithuania», который начал выходить в марте в Париже, рассматривая изданный в августе 1914 г.

российский манифест «К полякам» и рассчитывая, что автономия вместе с Польшей будет дана и Литве предложил употреблять в отношении последней этнографический принцип в широком его понимании, который включал бы исторические, политические, географические, экономические критерии. Согласно этому принципу территория Литвы состояла бы из Сувалкой, Ковенской, Виленской, Гродненской и части Минской губерний.

Это были первые последовательные и детализированные политические программы литовцев во время войны с очень выразительной идеей Литвы на территории четырех губерний. Представители как литовских радикалов (демократы, социал-демакраты), так и консерваторов (тавтининки, христианские демократы) территорию четырех губерний априори толковали как литовскую, потому что этот край издавна принадлежал Литве. Поэтому права литовского народа там не должны были пересекаться с правами других народов.

Для государственных планов радикалов исходным пунктом являлись первые программы Литовской социал-демократической партии, в которых литовское государство проектировалось приблизительно на территории четырех губерний, хотя для обеспечения стабильности оно могло свободно федерализироваться с соседними странами. Радикалы представляли себе, что территорию четырех губерний со времен ВКЛ объединяла особенная, трудно понимаемая культура, по отношению к которой все этнические культуры этой территории продолжали оставаться субкультурами более низкого уровня. Для консерваторов же, наоборот, культура, которая объединяла эти четыре губернии, была очень вразумительной и понятной как литовская на широкой этнической основе, - детерминированная объективными этническими чертами: языком, обычаями, происхождением. Главная заслуга в деле детализации понимания консерваторами литовскости четырех губерний принадлежит Антонасу Сметоне, который признавал, что хотя ситуация в крае в начале XX в. значительно изменилась, все же черты литовскости по прежнему преобладали.

Территориальная программа радикалов по причине большого динамического представления про народ была более удобной для корректирования. Более активная работа представителей литовской интеллигенции началась в начале декабря 1915 г. в форме регулярных встреч ее представителей в литовском виленском клубе «Ruta». В сущности, эти мероприятия были вечерними дискуссиями со свободным входом и нерегламентированным членством, местом обмена мнениями среди активных членов литовской общественности. Сами они называли этот инициативный кружок «Кружком интеллигенции для обсуждения проблем Литвы».

В апреле 1916 - кружок в связи с проявлением Германией интереса к литовской политике был трансформирован в «Группу литовской дипломатии». Это была уже группа политиков с фиксированным членством. Как в кружке, так и в этой группе вместе работали консерваторы, радикалы и те, кто пока не определился со своей идеологической принадлежностью. В августе 1916 г. в связи с обострением отношений с немцами и начавшимся преследованием группа вновь превратилась в более узкий, но очерченный «Кружок политическое руководство», который по другому назывался просто «Консорциум». Это политическое представление литовцев сыграло важную роль до образования Организационного комитета по созыву Литовской конференции в августе 1917 года

В начале XX в. в правых органах печати, в политической деятельности проявилось стремление православного белорусского зажиточного крестьянства с помощью властей достичь ограничения польского помещичьего землевладения в белорусско-литовских губерниях и увеличение за их счет собственного. Связывая осуществление своих интересов с национальной политикой царизма организации «Крестьянин», «Белорусское общество» и их представители в парламентских институтах вели борьбу с белорусским национальным движением и газетой «Наша нива». Таковую же позицию в отношении белорусского движения занимали польские помещики и клерикалы. Правительственная политика в сфере

образования, религии, отсутствие самоуправления в белорусских губерниях сдерживали процесс формирования белорусской нации. Но специфические условия общественно-политической жизни и социально-экономического развития Беларуси содействовали национальной консолидации этноса.

Репозиторий БГПУ

4 Раскрытие исторических закономерностей и тенденций формирования белорусской нации.

Формирование белорусской нации происходило под условиями направления политики российского правительства, собственными особенностями национального и культурного развития и т.д. И в начале 20 века этот процесс ускорился и перешел на стадию формирования белорусской национальности.

Белорусы на то время проживали в пяти административных территориях, называемых губернии: Гродненская губерния, Могилевская губерния, Виленская, Витебская, Минская. Согласно переписи населения 1897 года количество людей, проживающих на данной территории, составляло 6 миллионов 887 тысяч человек. Коренных белорусов было более чем 73%. Доля коренного населения преобладала в Велижском уезде (87,5%), Невельском уезде (84%), Красненском уезде Смоленской губернии (90%). В сельской местности проживало около 90% белорусов, 40-50% городского населения были евреи, что было результатом введения черты оседлости для еврейского населения в пределах 10 губерний.

После реформы 1861 года наблюдалось ускорение темпов экономического развития, в промышленности были заметны капиталистические начала, увеличивалось количество бессословного землевладения, развитие торговли и железнодорожного строительства способствовало формированию единого экономического региона и формированию белорусской нации. Но формирование белорусской нации происходило замедленными темпами из-за политики российского правительства, которое называлось русификацией. Данное направление в отношении Беларуси проявлялось в продаже земли русскому дворянству на льготных условиях, приглашение на службу русских офицеров, чиновников. Причем служить в белорусских краях было престижно и почетно. Школы переводились на русский язык. Любые публикации на родном белорусском языке запрещались.

20-60-е годы XVI в., благодаря наступившей веротерпимости, знаменовались тесными связями со всеми европейскими государствами и в первую очередь с Италией. Жигимонт I – великий князь литовский и король польский женился на Боне Форца из знаменитого рода Медичи. Такое родство способствовало заимствованию лучших достижений итальянского Возрождения.

Литовские статуты (1529-1588) принесли на нашу землю влияние древнего римского права и юридических идей эпохи Возрождения. А латинские школы – знание древних языков. В 1579 г. в нашем государстве появилась первая Академия в качестве высшего учебного заведения и центра научных исследований.

Одним из знаменитейших деятелей Высокого Возрождения стал Франциск Скорина (ок. 1486-1551) - первопечатник, философ-гуманист, поэт и просветитель, общепризнанный «символ белорусской культуры». Скорина подготовил и в 1517 г. издал первую книгу на родном языке – понятном широкой публике. Позже он осуществил еще 24 издания (сохранилось свыше 400 изданных им книг). При этом Скорина написал 25 предисловий и 24 послесловия и снабдил свои книги разъяснениями малоизвестных слов и высокохудожественными гравюрами. Одна из гравюр - портрет самого Скорины – дань традиционному для Ренессанса индивидуализму.

Франциск Скорина удачно сочетал родную славянскую культуру с традицией античности и культурой Ренессанса. Его возвышенный патриотизм не только не мешал, но наоборот способствовал восприятию передовых идей западной культуры. Это в последующем позволило Беларуси стать мостом между Западной Европой и Россией. Таким образом, изучено влияние Скорины на формирование моральных форм общества, на формирование моральных форм общества, на законодательную деятельность юристов Беларуси и Украины XVI в.

Прославленная поэма Николая Гусовского (ок. 1470-1533) «Песня о зубре», хоть и сознана на латыни, заслуженно считается такой же

энциклопедией жизни наших предков, какими были творения западных гуманистов – его современников. ЮНЕСКО включила Гусовского в список выдающихся деятелей славянской культуры.

Героический эпос произведений Н. Гусовского, Я. Вислицкого, А. Римши, Я. Радвана, Г. Пельгримовского характерен для отечественной литературы Высокого и Позднего Возрождения. Он в чем-то близок героическому искусству великого Микеланджело. И очень приятно, что наши литераторы нашли своих героев не в греческих и библейских мифах, а в отечественной истории.

Среди известных деятелей Позднего Возрождения своей энциклопедической образованностью выделяется Сымон Будный (1530-1593) философ-гуманист, публицист, книгоиздатель. Перу С. Будного принадлежит целый ряд очень зрелых произведений гуманистической философии, среди которых «Оправдание грешного человека перед Богом» (1562) и «О светской власти» (1583). Широкий резонанс получил перевод «Нового завета», изданный С. Будным в 1574 г. Здесь многие европейские переводчики искали ответы на самые сложные вопросы, связанные с интерпретацией древней терминологии. С. Будный был активным и последовательным борцом со всеми формами насилия и сторонником свободы воли. Но в то же время активно противостоял анархистам, всячески пропагандируя законопослушность и правопорядок.

Последователем и другом С. Будного был Василий Тяпинский (настоящая фамилия Омельянович) (1540-1603). Он в качестве унитария (антитринитария) выступал против канонической Троицы, страстно доказывая, что Бог – это одно лицо. Тяпинский настаивал на церковных реформах и всемерном развитии науки.

Следует отметить, что белорусские мыслители предвосхитили идеи просвещения своей страстной защитой национального (старобелорусского) языка и активной пропагандой народного образования.

Лев Сапега (1557-1633) – звезда первой величины белорусской политической истории. Уроженец Витебщины стал канцлером Великого Княжества Литовского и автором Статута 1588 г. – предшественника европейских конституций. Сапега был последовательным сторонником сильного государства, в котором царят законы, а не лица.

Белорусы Петр Гоняда, Якуб из Калиновки и Ян Немовляев, жившие в конце XVI в., были первыми в современной истории анархистами-максималистами. Они категорически отрицали любые формы власти.

Известнейшими меценатами эпохи Возрождения прослыли по всей Европе Высочайший гетман Константин Острожский (1460-1530) и князь Николай Радзивил Черный (1515-1565).

Важную роль в установлении в обществе общественной и правовой свободы сыграла судебно-административная реформа, которой руководил канцлер А. Волович. Создавались избранные земские уездные суды, которые не зависели от местной администрации. Тем самым реализовывался важнейший принцип правового государства, разделение исполнительной и судебной власти.

Изучение духовной и политической культуры Великого княжества Литовского установило, что равенство всех христианских вероучений: православия, католицизма и протестантизма было зафиксировано в ряде привилегий. Стало даже конституционной нормой, что и отразилось в дальнейшем на формировании белорусской нации. Веротерпимость существовала не только на официальном, но и на общественно-социальном уровне. И в этом плане вторая половина XVI – начало XVII в. была «Золотым веком».

Авторам многочисленных ученых произведений, в том числе таких, как «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических сказках», был писатель-этнограф П.Шпилевский. Много сделал для развития белорусского исторического краеведения М.В.Без-Корнилович. В 1855 г. в Санкт-

Петербурге им были изданы «Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии...», территорию какой он ограничивал Витебской и Могилевской губерниями, остальные белорусские земли называл Литвой.

Значительный вклад в развитие белорусской истории и этнографии внес П.В.Бабровский. В своем исследовании «Гродненская губерния. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба» он дал описание обрядов, уставов, верований, рабочей деятельности белорусов. В работах историков Беларуси конца XVIII – середины XIX ст. основное место занимала локальная, краеведческая тематика, было много фактических неувязок, однако их творчеством закладывалась основа для развития профессиональных исторических знаний.

Восстание 1863 – 1864 гг. явилось важным фактором, который влиял на развитие белорусской историографии второй половины XIX ст. Оно обострило споры в национальном развитии Беларуси. Сторонниками взглядов на Беларусь как территорию Западной России были опубликованы работы с обоснованием своих позиций. Наиболее глубокими среди них были монографии М.В.Кояловича, посвященные конфессиональной истории Беларуси (Литовская церковная уния. История воссоединения западно-русских униатов стариков времен.

П. Шпилевским была создана первая грамматика белорусского языка. Появились и широко распространились подпольные агитационные произведения на белорусском языке в форме «Разговоров» адресованных крестьянам, с целью привлечь их к борьбе за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. Рассматривался вопрос о целесообразности введения белорусского языка в начальной школе и издания правительственной газеты на белорусском языке. Было изучалось фамилярное наследие Литвы – Беларуси. Изучение его вместе с историей западных губерний привело исследователей первой половины XIX в. к выводу о существовании самостоятельного белорусского этноса, подталкивало к творчеству на белорусском языке.

Определены истоки национального возрождения – группы творческой интеллигенции, которая происходила из белорусского национального окружения и была выращена под влиянием российской культуры. К их числу относились, в частности, неизвестные авторы поэмы «Тарас на Парнасе». На основе многодиалектного народного языка стал возрождаться литературный язык. Изучалась литература и источники по проблеме национального возрождения периода 10-20 – х гг. XIX в., которые в основном были связаны с деятельностью тайных товариществ филоматов и филаретов. Исследовался период романтизма в творчестве А. Мицкевича, Я. Чачота, Я. Борщевского, В. Дунина-Марцинкевича. Литва-Беларусь воспринималась ими как «малая родина». Любовь к ней стала основой увлечения народными песнями, легендами, сказками белорусского народа. Была изучена источниковая база по проблеме становления взглядов на белорусский этнос в историографии конца XVIII в. Анализировались концепции исследователей на этническое происхождение белорусов. На основании имеющихся источников научно обоснованы критерии этнической идентификации населения Беларуси. Составлена карта-схема о единстве границ распространения белорусского языка с границами белорусского этноса.

Почти все современные европейские нации сформировались в XIX веке. Большинство исследователей процессов нациообразования в Европе обращают внимание на специфику формирования современных народов на западе и востоке континента. Один из наиболее известных британский антрополог Эрнест Геллнер считал, что формирование современных наций самым непосредственным образом обусловлено индустриализацией традиционных аграрных обществ. Э. Геллнер выделял в Европе четыре пояса, на пространстве каждого из которых эволюционный процесс создания современных наций имел свои отличительные черты. Первый пояс – это запад Европы, где мощные династические государства с политическими центрами в столицах поспешно и успешно осуществляли политику централизации и культурной унификации общества, создавая тем самым

современные нации англичан, французов, испанцев и португальцев. На территории второго пояса вначале происходили процессы унификации «высоких» национальных культур – немецкой и итальянской – а уже потом, на основе единства языка и культуры создавались мощные централизованные государства. Третий пояс охватывал пространства еще далее на восток. Здесь процесс нациообразования основывался на «низовых» народных культурах, носителями которых являлись активисты национальных движений «будители» и «возрожденцы», которые целенаправленно пытались «разбудить» национальные чувства в крестьянских этнических сообществах, лишенных волею истории своей «высокой» культуры и дворянских элит. Геллнер выделял здесь «исторические народы», которые имели раньше собственную государственность и «неисторические», которые не имели собственной государственности и выделялись только благодаря этнокультурным отличиям. И для первых, и для вторых была обязательной «этнографическая» фаза развития национального движения, когда на основе низкой народной культуры происходила выработка рациональной кодифицированной «высокой» национальной культуры. Впрочем, сам Геллнер не придавал отличиям между «историческими» и «неисторическими» народами существенного значения. «Так чехи или литовцы могут предаваться воспоминаниям о своем славном средневековом прошлом, а эстонцы, белорусы или словаки не имеют такой возможности. В их распоряжении только крестьянский фольклор да рассказы о благородных разбойниках, но нет жизнеописаний монархов и победоносных завоевательных эпопей. Впрочем и это не имеет значения».

Польский исследователь Петр Вандыч выделял в Центрально-Восточной Европе три основные модели процессов нациообразования – польскую, венгерскую и чешскую. Белорусское, литовское, украинское и словацкое национальные движения он считал близкими к чешской модели, для которой характерными, по его мнению, являются следующие черты: отдаленная и прерванная традиция своей государственности или тип

государственности, связанный с иным народом; очень высокая степень мифологизации прошлого; наконец, факт, что национальное возрождение часто являлось «пробуждением» лишь потенциально существовавшей народности. Для которой процесс формирования целостного национального самосознания так и не был завершен в XIX в.

Проблемность отождествления своей государственности с традицией и малочисленностью вместе с запоздалостью промышленной революции вызывали, по мнению П. Вандыча, необходимость апеллирования к героическому прошлому куда в большей степени, чем это наблюдалось в истории национальных движений других типов. Именно эта мифологизация истории была характерной чертой процессов образования наций для группы народов Центральной и Восточной Европы, к которым В. Вандыч относил также и белорусов. При этом польский исследователь утверждал: «Факт, что белорусы и словаки не растворились среди великих народов, как бретонцы во Франции, удивляет более, нежели то, что они создали эфемерную государственность».

Популярностью пользуется также теоретическая модель формирования наций чешского историка Мирослава Гроха. Он различает «государственные» и «малые» народы, которые проходили различные пути нациообразования. Национальное движение «малых» народов согласно М. Гроху проходило в своем развитии три главные фазы: научную (период появления научного интереса к языку и культуре крестьянской этнической общности со стороны интеллигенции, стандартизация языка, создание исторических работ, посвященных ее прошлому); фазу национальной агитации (деятельность патриотически настроенной интеллигенции и появившихся активистов национального движения с целью распространения национального самосознания среди широких масс крестьянского населения); фазу массового политического движения (национальное движение приобретает массовый политический характер и поддержку широких слоев населения). Как утверждает М. Грох, некоторые «малые» народы достигли

фазы массового национального движения уже в начале становления индустриального капиталистического общества (например, чехи). Иные же этнические общности так и застыли на переходе от второй к третьей фазе. К числу «малых» народов М.Грох относил и белорусов. По его мнению «только на рубеже веков некоторые белорусские интеллигенты начали осознавать себя представителями отдельного народа».

Разделяет широко распространенное мнение о запоздалости процесса формирования современной белорусской нации и современный польский социолог Ришард Радик. Он выделяет три основные причины этой запоздалости: содержание народной культуры белорусов, особенности социальной структуры, политику государственных властей Российской империи. По мнению Р. Радика представители местной шляхты оказали белорусскому национальному движению в XIX в. поддержку культурно-литературного, а не национально-политического характера. Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич и иные создатели белорусской литературы были культурно бивалентными личностями в смысле одновременного усвоения польской «высокой» культуры и элементов белорусской народной культуры. Более того, шляхетские творцы белорусской литературы придали ей, по мнению Радика, отчетливо «плебейский» характер – в их произведениях крестьяне разговаривают на белорусском языке, а паны – на польском. Существенной причиной запоздалости процесса белорусского нациообразования было отсутствие сословия, либо социального слоя, который был бы заинтересован в создании белорусской нации и мог бы эффективно поддержать этот процесс. У галицких украинцев, которые жили в империи Габсбургов, такой нациообразующей социальной группой стало униатское духовенство. Белорусы после ликвидации унии в 1839 году такой социальной группы лишились, поскольку православное духовенство демонстрировало полную лояльность к Российской империи и, более того, активно поддерживало ассимиляционную политику российских властей. Российская империя могла

допускать белорускость только в географически-этнографическом измерении, но ни в коем случае не в политико-идеологическом. Активность имперской администрации сильно повлияла на то, что белорусское национальное движение начало формироваться поздно, было слабым, а его социальная база оставалась узкой. Вместе с тем Р. Радик признает тот факт, что эта активность российских властей, а в первую очередь политика деполонизации, вместе с экономической отсталостью Российской империи поспособствовали тому, что белорусское население в XIX веке не поддавалось «массовым процессам ассимиляции со стороны иных культур (был заблокирован процесс полонизации белорусского общества)».

Современный белорусский исследователь Павел Терешкович тоже соглашается с утверждением о запоздалости процесса белорусского националстроительства: «Белорусы стали одним из последних народов в Европе, вставшим на путь национальной консолидации». Терешкович считает, что очевидное запаздывание национальной консолидации белорусов в XIX веке носило объективно обусловленный характер. Он выделяет целый ряд объективных факторов, которые были причиной означенной запоздалости. В большинстве случаев причиной отставания белорусов является более низкий уровень модернизованности белорусского общества, который проявлялся в показателях денежного оборота на душу населения, распространение грамотности и урбанизированности этнического сообщества, его социальной структуры и социальной мобильности.

Возникновение любой национальной государственности связано с формированием нации. Современные нации – порождение нового и новейшего времени. Они формировались вместе с развитием капиталистических отношений. Поэтому не случайно проблема определения содержания и сущности идеи белорусской государственности возникла в общественной жизни во второй половине XIX в. Но в силу исторической судьбы, национальных, конфессиональных и других обстоятельств белорусы включились в этот процесс позже, чем другие народы. После отмены

крепостного права, период становления и развития индустриального общества капиталистических общественных отношений, ускоренного развития экономики и торговли, усиливались связи между регионами, создавался местный рынок. Именно эти процессы влияли на экономическую и культурную консолидацию белорусского этноса и определение нации.

На самостоятельной национальной основе, не без влияния польских и русских революционеров-демократов после 1863 г. стало развиваться белорусское национальное движение. Представители демократического лагеря В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич и др. идею белорусского национального возрождения связывали с развитием письменности, с борьбой за возрождение культурных и исторических традиций белорусского народа. В конце XIX в. возникают и первые художественные произведения на белорусском языке.

Руководителями кружка, который издал первый номер журнала «Гомон» были студенты Петербургского университета, выпускники Витебской гимназии А. Марченко и Х. Ратнер, которые во время учебы входили в местный народовольческий кружок. Студенты и служащие, которые разделяли их взгляды были едины в признании существования белорусского народа как «отдельной ветви славянского племени», в служении его интересам и в протесте против русификации и полонизации белорусов. Но задачи национального движения они формулировали по-разному: одни с либерально-народнических, другие – с революционно-демократических позиций. В номере 1 «Гомона» анализировалось положение белорусского народа в Российской империи. После длительных экскурсов в историю и анализ положения ближайших соседей белорусов авторы провозглашали право белорусского народа на определение своей судьбы, на самоопределение.

Национальный характер имела форма белорускости, которая соотносилась и была связана с деятельностью народнической группы «Гомон». Гомоновцы впервые попытались осмыслить закономерности

развития белорусского этноса, трудности его национальной консолидации и одновременно – историческую жизнестойкость народа, несмотря на давнее ассимиляционное давление со стороны России и Польши, постоянную опасность растворения белорусов в «великорусском или польском море». Они считали себя организацией российской «Народной воли» и претендовали на руководство всеми революционными силами Северо-Западного края. В качестве альтернативы имперскому абсолютизму они обосновали идею «федеративности» - равноправный союз белорусов с другими народами демократизированной России.

Народники первыми обратили свое внимание на потенциал крестьянства в национально-освободительном движении, так как ни один другой общественный строй в Северо-Западном крае не имел белорусской национальной специфики, где существовала историческая отчужденность между интеллигенцией и народом.

С разных форм белорускости, которые проявились в XIX в. в следующем столетии одни исчезли другие получили дальнейшее развитие или трансформировались. Например, те жители белорусских губерний Российской империи, которые считали себя «рода литовского (русского), нации польской» через свою родственную связь с местным населением, его культурой, религией, но со шляхетским патернализмом и сознанием своего сословного преимущества вместе с исчезновением и перерождением шляхты и ориентацией подавляющего большинства населения на русскую культуру растворились в общей массе и эта форма белорускости постепенно прекратила свое существование.

Частичные изменения претерпела крестьянская, этническая белорускость, которая раньше замыкалась в рамках лишенной всякой идеологии свойственности, собственных привычек и не выходила за границы своего локального региона. В начале XX в., особенно после реформ Столыпина более зажиточная часть белорусского крестьянства приняла некоторые идеологические категории восприятия окружающего мира, но

пока не национальные. Его диалектологическая и этнографическая белорускость в культурном плане оставалась подчиненной городской российскости.

К концу XIX в. белорусское национальное движение прошло большой путь от этнографического изучения белорусского уклада жизни и фольклора до создания политических организаций и выдвижения идеи государственно-культурной автономии. Деятельность этнографов, краеведов, фольклористов, лингвистов постепенно привела к осознанию интеллигентами этнокультурной самобытности белорусов, стимулировала создание литературных произведений на белорусском языке. Наиболее развитые в интеллектуальном плане представители белорусского народа осознали свою самобытность и сформулировали идею его политического суверенитета.

В начале XX в. выделяются две довольно близкие теории происхождения белорусского этноса. Это кривичская концепция, согласно которой у белорусов в сравнении с русским и украинским этносами был другой предок – кривичи. А также концепция, согласно которой белорусский этнос сформировался на основе общностей кривичей, радимичей и дреговичей.

В научных работах начала XX в. происходит обращение к языку как к главному критерию определения этнической принадлежности. Вершиной этого научного направления явился фундаментальный труд выдающегося филолога-слависта, основателя белорусского языкознания, этнографа и фольклориста, уроженца гродненщины Е.Ф. Карского (1860-1931). В 1893 г. совет Киевского университета присвоил ему ученую степень магистра русского языка и словесности, за исследование белорусского языка – первой в истории диссертации по белорусскому языкознанию. В своем научном труде «Белоруссы» Карский определил время формирования белорусской народности (XIII – XV вв.) и пришел к выводу, что в ее основе находились племена кривичей, дреговичей, радимичей. Исследователь считал, что белорусское наречие является самостоятельным: совокупность его

характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке. На основе языка Е. Карский составил этнографические карты границ расселения белорусского народа. По результатам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. по языковой принадлежности белорусы составили в Могилевской губернии 82, 4 %; Минской – 76,0; Витебской – 52,9; Виленской – 56,0; Гродненской – 44, 0. В начале XX в. существенных изменений в расселении белорусов не произошло. Очень может быть, что в некоторых местах белорусы ассимилировали северян, вятичей и некоторые литовские племена, например ятвягов и голядь.

В исследовании «Беларускае мінулае(1888)», впервые создал основное ядро концепции исторического развития белорусского народа один из основателей национальной историографии М.В. Довнар-Запольский. Вслед за могилевским историком О.Ц. Турчиновичем (работа «Обозрение истории Белоруссии»), историком М.В. Кояловичем (сб. «Дакументы, якія тлумачаць гісторыю заходне-рускага краю і яго адносіны да Расіі і да Польшчы») М.В. Довнар-Запольский был приверженцем полоцкоцентрического варианта белорусской историографии, трактовки истории полоцкой земли в категориях белорусского государства. Для него полоцкая государственность – субъективное проявление этнографических особенностей той части Беларуси, которая группировалась вокруг Полоцка как своего главного центра, это значит кривичей и полочан. Возникновение удельных княжеств – это ничто другое, утверждал историк, как возрождение племен, которые населяли Беларусь, возникновение государственного начала.

По мнению М. Довнар-Запольского «несомненно и то, что значительно раньше появилось название Белоруссии, чем название Великой и Малой России. Это наименование появляется приблизительно тогда, когда в окончательной форме начинает складываться сама белорусская народность, когда отдельные племена дреговичей, радимичей и кривичей полоцких и смоленских окончательно отрываются от остальной Руси и образуют самостоятельное государство вместе с литовским племенем – государство

Литвы и Руси. Этот период приходится на время возникновения этого государства, т.е. XIII и начало XIV вв. И теперь часто на вопрос о народности наш белорус называет себя литвином. И в прежнее время особенно польские писатели Литвой и литвинами называли Белоруссию и белорусов, несмотря на то, что они хорошо знали о существовании собственно Литвы, но последнюю называли Жмудью по господствующему в ней племени.».

Началом нового этапа в истории национального движения явилось создание зимой 1902-1903 гг. Белорусской социалистической громады – первой национальной политической партии. К числу ее создателей и руководителей относились братья Иван и Антон Луцкевичи, Алаиза Пашкевич, Казимир Костровицкий, Алесь Бурбис, Вацлав Ивановский, Феликс Умястовский – в основном студенты, выходцы мелкой и средней шляхты. Программа БСГ предусматривала борьбу за свержение самодержавия в России вместе «с пролетариатом всех народов Российского государства», создание независимой демократической республики. Как отмечает белорусский историк М.О. Бич: «включение в программу БСГ требования государственной независимости Беларуси произошло, видно, не без влияния Польской социалистической партии (ППС) и Литовской социал-демократической партии (ЛСДП), которые ранее определили в качестве своих главных, первоочередных задач борьбу за независимость соответственно Польши и Литвы». Вместе с тем БСГ в отличие от указанных партий в борьбе за реализацию своей программы ориентировалась на союз с российским освободительным движением.

Достаточно влиятельную прослойку в белорусском обществе к началу XX в. составляли «западнорусы». Собственно россиян в белорусских губерниях было относительно немного. В большинстве это были чиновники, для которых Беларусь зачастую являлась только очередным этапом в карьере. Эти люди идентифицировали себя с огромной империей, политическое и военное могущество которой составляло предмет их гордости. Местные западнорусы ощущали более сильные эмоциональные связи со своим

белорусским краем. В начале XX ст. они пытались проявить себя и в политической жизни. Западнорусские воззрения были характерными для большинства государственных чиновников и служащих местного происхождения и православного вероисповедания. Их самосознание можно определить с помощью формулы: «рода белорусского, нации российской». Для большинства из них социальный успех был связан с усвоением русского языка, что давало им ощущение принадлежности к высшему обществу, ощущение превосходства над своими белорусскоязычными соплеменниками и часто односельчанами, которые оставались в деревнях. Важнейшим составным элементом западнорусского сознания выступала также враждебность к польскости во всех ее проявлениях. Овладение русским языком придавало западнорусам ощущение культурного равенства с местной польскоязычной интеллигенцией шляхетского происхождения. Переход на белорусский язык общения представлялся в таких условиях утратой важных культурных приобретений. Тот факт, что представителей шляхетского сословия в Беларуси не допускали или старались не допускать на государственные должности, давал шанс для местных православных западнорусов, в т.ч. и выходцев из крестьянства. Это же служило причиной их лояльности по отношению к империи. Естественно, эти люди стремились как можно скорее усвоить русский язык, чтобы иметь лучшие возможности для карьерного роста, и всячески декларировали свою преданность правительству.

Однако, как отмечает А.Цвикевич, на рубеже XIX--XX вв. западнорусы «не были приняты российской политикой в качестве положительной силы и по старому находились на заднем плане местной политики.

Действительно, практически все значительные и влиятельные должности в губернской администрации обычно занимали преизжие чиновники. События революции 1905 года разбудили национальные движения в Западных губерниях и одновременно сделали западнорусов востребованными для власти. В 1907 году в Вильно был основан

«Окраинный союз», который позже преобразовывается в «Русское окраинное общество» с собственным печатным органом «Окраины России». Как отметил А.Цвикевич: «Западноруссизм начинает входить в систему воинственного российского национализма как одна из составных его частей, он превращается в один из аванпостов наступления России на запад».

Со временем среди западнорусов все большую роль начинают играть выходцы из зажиточных слоев православной деревни. На эту социальную группу и ориентируют свою деятельность западнорусские общественные объединения. Однако социальная среда, на которую ориентировались западнорусы – мелкое чиновничество, народные учителя, волостные писари и старшины, зажиточные хозяева, - содержала в себе потенциал национальной белорусской идеологии. В определенных политических условиях для многих западнорусов первая часть формулы их самосознания – «рода белорусского, нации российской» – могла изменить свое этнокультурное содержание на национально-политическое. И подобное явление часто наблюдалось после развала Российской империи в результате Первой мировой войны, революции и попыток создания белорусской государственности.

По мнению польского социолога Р.Радика «Девятнадцатое столетие было столетием рождения народов, однако белорусское национальное движение возникло только в начале XX в. и в условиях царской России не получило массовой поддержки со стороны белорусского населения». Российскость имела большую притягательную силу среди славянского православного населения на уровне культуры, в том числе языка, но была гораздо слабее в отношении своей национальной сущности.

Против белорусского национального возрождения выступали польские помещичьи клерикальные группировки. Национал-демократические настроения преобладали среди большинства польских землевладельцев и интеллигенции. Защищая все польское, эндеки в тоже время отвергали все белорусское.

Открыто враждебные позиции в отношении белорусского движения занимали краёвцы-консерваторы. Совсем других взглядов придерживались краёвцы-либералы, которые считали, что белорусский язык, культура имеют право на существование и развитие, как и другие народы. К началу XX в. несмотря на то, что сторонников белорусского возрождения становилось все больше, полонизаторские тенденции в деятельности костёла, как и ранее доминировали. Большинство католического духовенства, как и польских землевладельцев и интеллигенции, враждебно относились к белорусскому языку и ко всяким проявлениям белорусского движения.

Создание БРГ и ее программа свидетельствовали о нивелировании отличий между революционным течением, выросшим из западноруссизма, и белорусскими революционерами католически-шляхетского происхождения. В начале XX в. в белорусском движении стала выразительно доминировать пророссийское направление.

А. Бендин считает, что «внутри этнической группы белорусов сообщество, основанное на православно-русской идентификации, во второй половине XIX—начале XX в. сформировалось в качестве доминирующего». Источники позволяют утверждать, что большинство сельских жителей православного вероисповедания называли себя «русскими» или «русской веры». Однако сложно говорить о наличии в этой среде развитого национального самосознания.

К факторам, которые сдерживали формирование белорусской нации, можно отнести слабость городов в экономическом плане, практическое отсутствие работы для малоземельных крестьян, существование помещичьего землевладения, негативно сказывалось на образовании буржуазного классового общества. Основной капитал находился в распоряжении польских и русских помещиков, евреев, буржуазии не белорусской национальности. Буржуазия белорусского происхождения лояльно относилась к национальному движению. Два направления – полонизация и русификация также негативно сказывались на формирование

белорусской нации. Белорусское общество на то время состояло из крестьян, пролетариата, полупролетариата.

Процесс созревания белорусской нации связан с белорусским национальным движением. Движение возрастало в спорах польских и российских шовинистов по поводу господства на территории Беларуси.

Таким образом, процесс формирования белорусской нации обуславливался особенностями и характером социально-экономического развития, направлением политики российского правительства, традиционными чертами национально-культурного развития. Все это привело к замедленному характеру формирования белорусской нации, ее самобытным чертам. Конец XIX - начало XX вв. – период, когда начинается национальное возрождение белорусского народа.

Репозиторий БГТУ

5 Разработка предложений по идентификации и регистрации, восстановлению и сохранению общего культурного наследия Беларуси, Литвы и Украины, содействию в ознаменовании памятных дат и событий

Сохранение живой памяти об общей истории Литвы и Беларуси дает возможность хотя бы в минимальных пределах поддерживать отношения Беларуси с Западом. Нельзя не заметить, что в течение ряда последних лет большое внимание уделяется общему историческому и культурному наследию Литвы и Беларуси. По словам специалистов, эта память, объединяющая наши страны, в значительной степени может содействовать сохранению их экономических связей и улучшению политических отношений.

В современной белорусской исторической литературе обширных специальных исследований по истории столицы исторической Литвы в XIX в. нет. Исследователи лишь констатируют, что белорусы и современные литовцы имели в прошлом не только общее историческое наследие – Великое Княжество Литовское, но и общий центр национального возрождения – г. Вильну. Более обширными являются исследования ранней истории города и событий, которые происходили в XX в. Среди исследований, которые относятся к ранней истории Вильны выделяется работа российского историка В. Топорова (Топоров 1980), посвященная 400-летию Виленского университета, в которой он выделяет литовский и славянский (кривичский) элементы и говорит о «сложении пространственно-социальной структуры неоднородного в этнолингвистическом отношении города». Эта неоднородность сохраняется за Вильно и в последующие столетия. Белорусский историк Э.Зайковский (Зайкоўскі 1994) обосновано отмечает, что «название Вильны полностью согласуется со словообразующей моделью, когда название города образуется от названия малой реки (Виленки), которая впадает в том месте в большую (Вилию), что очень характерно для древнебелорусских земель (например, Полоцк, Витебск, Дисна, Пинск, Орша, Волковыск, Чечерск).

Фрагментарные сведения про Вильну находятся в исследованиях белорусских историков А.Грицкевича (Грыцкевіч 2001) и С.Токтя (Токць 2011), которые исследовали белорусско-литовские отношения после распада Российской империи.

В последнее время растет понимание необходимости возвращения Вильны в контекст новой и новейшей истории Беларуси. Наиболее значительный вклад в осмысление стремления белорусов к собственной государственности после разделов Речи Посполитой и овладению прежней столицей Великого Княжества Литовского внес современный белорусский историк З. Шибeko (Шыбека 2007), который выделил восемь этапов в истории споров за город. Драматизм исторической ситуации он обуславливает тем, что белорусско-литовская конфронтация из-за Вильны накладывалась на борьбу между Россией, Польшей и Германией за Виленшчину. Трудно не согласиться с утверждением З.Шибекки, что «кто владеет Вильно, тот является победителем в реализации национального проекта».

Прошлое многонациональной культуры в Вильне отражено в статье редактора и издателя первой легальной литовской газеты «Виленские вести» П.Вилейшиса (Вілейшыс 2013) и в коллективной истории Литвы (Эйдзінтас і інш. 2014).

Среди зарубежных историков выделяется монография американского исследователя Т. Снайдера (Снайдер 2010), в которой впервые предпринята последовательная попытка объяснить литуанизацию Вильны и работа польского историка В.Качоровского (Kaczorowski 1991), посвященная историческим памятникам Вильны.

От самого основания города, а, пожалуй, еще и раньше, территория, на которой был основан и развивался город, была заселена племенами разных этнических групп. Это было балто-славянское пограничье. Предки коренных жителей современных Литвы и Беларуси издавна были автохтонами этой земли. Древнее поселение, про существование которого свидетельствуют

археологические памятники, превратилось в оборонительное городище, которое в первой четверти XIV в. стало столицей могущественной балто-славянской империи – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее ВКЛ).

В процессе развития в город вливались представители других народностей, которые попадали сюда разными путями и при разных обстоятельствах. При Великом князе Витовте в Вильне и ее окрестностях были расселены татары и караимы. Экономические отношения с Западной Европой способствовали появлению в городе таких национальных меньшинств как немцы и евреи. Последние в дальнейшем сыграли значительную роль в хозяйственном развитии города. Объединение Княжества с Польшей привело к экспансии последней не только в политическом, но и в культурном аспекте. Религиозное и политическое наступление католицизма, которое осуществлялось через Польшу постепенно привело не только к появлению польского духовенства, но и представителей польской интеллигенции. Это способствовало ополячиванию высших слоев общества, многие из которых не перестают считать себя «литвинами», без разницы белорусского или литовского происхождения.

В конце XVIII в. территория современных Беларуси и Литвы после последнего раздела Речи Посполитой вошла в состав Российской империи. Вильна стала губернским центром, городское самоуправление было упразднено. В начале XIX в. в Вильне было 25 тысяч жителей и это был третий по величине город в Российской империи.

При рассмотрении культурного наследия Вильны часто встречается такое явление, что многие известные деятели науки, искусства и литературы, которые проявили себя на виленской земле, относятся к историческому наследию двух или даже трех народов. В начале XIX в. при помощи виленских интеллектуалов была подготовлена реформа образования всей России, которая ориентировалась на действующую модель Эдукационной

комиссии. Был образован Виленский учебный округ центром которого стал Виленский университет, реорганизованный в 1803 г. по образцу европейских университетов и получивший статус Императорского. Университет сыграл исключительно важную роль в развитии белорусской, литовской и польской культуры и литературы. В университете работали знаменитые ученые: историк И. Лелевель, философ Я. Снядецкий, биологи Л.Г. Баянус и К.Э. Эйхвальд. Ученые-обществоведы И.Онацевич, М.Бобровский, И.Данилович, Ю.Ярошевич разрабатывали исторические и историко-юридические проблемы, связанные с прошлым совместного Белорусско-Литовского государства. В университете учились прославившиеся во всей Европе поэты-романтики и писатели А.Мицкевич, Ю.Словацкий, Ю.Крашевский, родоначальники литовского национального возрождения С. Даукантас и С.Станявичюс. В университете была разработана новая на то время наука – просветительская эстетика.

В октябре 1817 г. студенты университета создали Товарищество филоматов (друзей наук) по аналогии с известным Филоматическим товариществом, которое действовало во Франции накануне и во время Великой Французской революции. В уставе Товарищества первоначально декларировалось творческое усовершенствование и взаимопомощь в приобретении знаний. Позже филоматы поставили перед собой более широкие задачи. Товарищество должно было содействовать «по мере возможности всеобщему просветительству».[9, с. 9] Через просветительство филоматы намеревались готовить общество к борьбе за освобождение Отечества от царского самодержавия, о чем в Уставе, естественно, не говорилось. Довольно длительное время самообразование, взаимопомощь в творчестве и научных исследованиях находились у филоматов на первом месте. В 1820 г. открытое Товарищество филоматов преобразовалось в тайное Товарищество филаретов (сторонников моральной чистоты), наиболее активными членами которого были Я.Чачот, Т. Зан, А. Мицкевич, А. Ходзько. Филареты стали разрабатывать политическую программу, одним из

важнейших пунктов которой было требование национальной независимости и уничтожение крепостного права. В 1823 г. властям стало известно о деятельности филаретов, было начато следствие, в результате которого были проведены массовые аресты членов Товарищества.

Допросы арестованных «ясно обнаруживали, что под словом приверженности к своему краю разумелась не приверженность к Российской империи вообще, но только к губерниям, составляющим Виленский университетский округ».

В Вильне был организован сбор средств для арестованных. Следствие закончилось в апреле 1824 г. и в августе император утвердил приговор: 20 филломатов и филаретов навсегда высылались с Литвы в отдаленные губернии России, 80 были отпущены под надзор полиции. Высылая филломатов и филаретов с Вильны, царские власти преследовали одновременно несколько целей. Первая – это наказать молодых людей за вольнодумство – в назидание другим, вторая – уничтожение в самом зародыше польского, белорусского и литовского национальных движений и третья – грабеж интеллектуального потенциала. Несмотря на все это, студенты Виленского университета приняли активное участие в восстании 1830 г., которое было жестоко подавлено. Виленский университет в 1832 году был закрыт как рассадник свободомыслия и революционных настроений. В 1840 г. Был упразднен Литовский статут, вместо него начали действовать российские законы. Прежде всего российское влияние стало насаждаться путем образования: так, директорами учебных заведений активно назначали выходцев из России, в качестве стимула для переселения предлагая им значительно большее жалование. По такому же принципу назначались чиновники. Языком не только учебного процесса, но даже и неформального общения в стенах учебных заведений стал исключительно русский, причем запрет на польский и белорусский языки был вполне гласным: его озвучил циркуляр министерства просвещения. Литовцам запретили печатать книги латинскими буквами.

К концу XIX в. бывшую столицу ВКЛ продолжали видеть своим политическим центром литовские, белорусские и польские деятели. Восстание 1863 г. привело к тому, что в «польском вопросе» власти имперской России кроме грубой силы решились на изменение культурных основ, которые позволяли «польскому сепаратизму» возрождаться. В Вильне были построены и восстановлены (там где они были до XVII в.) около десяти православных церквей. В кафедральный Собор Русской Православной Церкви был преобразован костел небесного покровителя Литвы Святого Казимира.

Один из ведущих артистов Санкт-Петербургского Императорского Александрийского театра П. Васильев основал в Вильне первую постоянную труппу русского театра, из которой вырос Русский драматический театр. Был открыт музей древностей и создана археологическая комиссия, основателем которой был граф Е. Тышкевич. Открылся Северо-Западный отдел Русского географического общества.

Для литовских деятелей Вильна была столицей ВКЛ, построенной Гедимином на заре славной литовской истории. Они видели в средневековом ВКЛ предшественника будущего независимого литовского государства в его приблизительных этнических границах. Хотя литовские деятели и работали в Вильно, литовское население города составляло абсолютное меньшинство.

Белорусские национальные деятели проводили в Вильне не меньшую работу, чем литовцы. Они тоже считали себя наследниками ВКЛ и называли Вильну своей столицей. Но в отличие от литовцев, убежденных, что уния 1569 г. ликвидировала независимость Литвы, белорусские деятели выступали за возрождение Речи Посполитой. Среди литовцев критическое отношение к объединению с Польшей начало проявляться в 40-ые годы и получило широкое распространение в 80-ые годы XIX в. В белорусской среде вплоть до конца века положительная роль образования Речи Посполитой не ставилась под сомнение.

Одной из наиболее отличительных общностей города были евреи, которые называли Вильну Литовским Иерусалимом. Для них он был духовной столицей. Вильна была одним из наиболее больших центров талмудической науки и главным центром Хаскалы – еврейского просветительства в Российской империи. Прагматичные евреи, которые составляли вторую по численности после поляков часть населения Вильны и три четверти торговцев в городе отдавали предпочтение официальному русскому языку, а среди национальных проектов склонялись к поддержке возрождения Речи Посполитой всех народов, рассчитывая, что она будет многонациональной и наилучшим образом обеспечит условия для жизнедеятельности еврейского народа.

Совместная деятельность в общем политическом, экономическом и культурном пространстве способствовала совместной борьбе белорусского и литовского народов за своё национальное освобождение. Отличительная черта Вильны – симбиоз культур, замешанный на многонациональности и взаимной внутренней толерантности. Хотя и белорусские, и литовские национальные лидеры не представляли к концу XIX века своего политического самоутверждения без Вильны.

Для Литвы и Беларуси сложно найти общую призму оценки совместной культуры и истории, но все же это реально. При нынешней разнице нюансов в интерпретации истории требуется поиск объективного общего знаменателя во избежание напряженности в обществе и внешней политике

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наше время, в условиях нового историко-политологического и философского осмысления прошлого, растёт интерес людей к историческим знаниям. Это и понятно, так как любовь к Родине зиждется на знании прошлого своего народа, на желании раскрыть и осмыслить во всей полноте жизнь своих предков, которм во многом уже скрыта в глубине минувших эпох. Одной из проблем, оказавшихся в центре нынешних острейших общественно-политических дискуссий, является понимание прошлого, настоящего и будущего белорусской государственности. Поэтому вопрос о происхождении белорусов, о древнейших временах их существования, племенах, существовавших на территории Беларуси и их расселении является актуальнейшим.

Белорусский этнос искони занимал ту самую территорию, на которой оно живет и поныне, за весьма небольшим исключением. Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусский народ сохранил наибольшую чистоту славянского типа и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом нашей страны нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне. В этом смысле белорусы в сильной мере отличаются от украинцев и великороссов. Хотя северная Украина является также местом исконного поселения славян, однако она была страной нередкого отлива и прилива чужеродного народа, что в сильной мере способствовало изменению славянского типа украинцев.

Что касается конкретных подходов и концепций при изучении идентичности, то их можно свести к трем основным: идентичность как данность, идентичность как конструкция и, наконец, подход, предусматривающий объяснение каждого отдельного случая в его историческом контексте. Таким образом, для последнего нет национальной идентичности как таковой, существует лишь процесс ее формирования в каждом отдельном случае, т.е. речь идет об идентификационных процессах.

Несомненно, что исследователи, исходя из различных концепций, по-разному отвечают на вопрос о существовании белорусской идентичности. Так, например, в русле преобладающего подхода «идентичности как конструкции» белорусский случай может быть резюмирован таким образом: поскольку в Беларуси еще не сформировалась нация (в смысле «модерная нация»), то не может быть и речи о существовании национальной идентичности. Таким образом, данная концепция, во-первых, предусматривает неразрывную связь понятий нации и идентичности, т.е. речь всегда идет об идентичности национальной; во-вторых, и нация, и идентичность создаются, конструируются, не являются чем-то данным, в отличие например, от этнического происхождения или языка. Данный подход стал преобладающим в силу проявления все большей несостоятельности других концепций. Так, например трактовка самой нации в этимологическом смысле, опирающемся на происхождение, рождение людей, не выдерживает в реальности критики. (С подобной точки зрения можно характеризовать лишь совсем отдельные нации, среди которых – приведем хрестоматийный пример – называют, прежде всего, а порой и только евреев (частности, J. Joseph, Language and Identity, 2004). Подавляющее же большинство современных наций не вписываются в схему «единства по происхождению». Таким образом, в данном контексте на современном этапе развития социальных наук исследователи различают этническое и национальное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнов, С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / Сергей Арутюнов – Москва: Наука, 1989. – 243 с.
2. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993. – 256 с.;
3. Бендин, А.Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX в. в современной историографии // А.Ю.Бендин // Исторический поиск Беларуси: Альманах. – Минск: Экономпресс, 2006. – С. 8—35.
4. Беспмятных, Н.Н. Русские белорусско-польско-литовского пограничья: проблемы самоидентификации / Н.Н. Беспмятных // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2008, № 7. – С. 113—117.
5. Беспмятных, Н.Н. Русские белорусско-польско-литовского пограничья: проблемы самоидентификации / Н.Н. Беспмятных // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2008, № 7. – С. 113—117.
6. Біч, М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі / Мінск, “Навука і тэхніка”. – 1993. – С. 14-15.
7. Будучыня гісторыі: зборнік артыкулаў па сучаснай гістарыяграфіі / Склад. Г.Сагановіч. – Мінск: Медысонт, 2008. – 274 с.
8. Видугирис А.Ю., Климчук Ф.Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье / А.Ю. Видугирис, Ф.Д. Климчук // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. – Москва, 1978. – С. 10—35.
9. Вольтер, Э. Об изучении литовского языка и племени / Э.Вольтер // Памятная книжка Виленской губернии на 1887 год. – Вильна, 1886. – С.123—133; Вольтер, Э. Об этнографической поездке по Литве и Жмуди летом 1887 года / Э. Вольтер // Приложение к XVI тому

- Записок Императорской Академии Наук. – СПб., 1887. -- № 5. – С. 1-158; Вольтер, Э. Об этнографическом исследовании Виленской губ. / Э.Вольтер // Известия Императорского Русского географического общества – СПб., 1885. – Т. XXI. – С. 360; Вольтер, Э. Статистика племенного состава народонаселения Северо-Западного края / Э.Вольтер // Календарь Северо-Западного края на 1890 год. – М., 1890. – С. 36—42.
10. Галенчанка, Г.Я. Еўрапейскія сувязі Беларусі ў этнаканфесійным і духоўным кантэксце / Г.Я.Галенчанка – Мінск, 1998.
11. Гаучас, П., Видугирис А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII – по начало XX в. / П.Гаучас, А. Видугирис // География XIX -- Вильнюс, 1983. – С. 26—73.
12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XX ст. у 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.], рэдкал.: А.А. Каваленя; Нац. Акад. навук Беларусі, Інст. Гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – с. 150.
13. Гнедовский, И. Несколько слов к вопросу об этнографической границе между литовским и белорусским населением в Ново-Александровском уезде, Ковенской губ. / И.Гнедовский. // Памятная книжка Ковенской губернии на 1890 год. – Ковна, 1889. – С. 326—330.
14. Грабовський С., Ставроян С., Шкляр Л. Нариси з історії українського державотворення. – К.: Генеза, 1995. – 608 с.; Історія України / Під ред. В.А. Смолія. – К.: Альтернативи, 1997. – 424 с.;
15. Гуковский, К. Новоалександровский уезд / К.Гуковский // Памятная книжка Ковенской губернии на 1895 г. – Ковна, 1894. – С. 149—235; Гуковский, К. Свадьба у литовских белорусов / К.Гуковский. – Ковно: Тип. Губернского Правления, 1894. – 23 с.
16. Дорошенко Д. Нарис історії України. В 2-т. – К.: Глобус, 1991.;
17. Єфименко О. Історія України та її народу. К.: Либідь, 1990. – 512 с.;

18. Зинкявичюс, З. Откуда родом литовцы. / Зыгмас Зинкявичюс, Алексеюс Луктанас, Гинтаутас Чеснис; пер. Б. Синочкиной – Вильнюс: Mokslo ir enciklopediju leidibos institutes, 2006. -- 144 с.
19. Зинкявичюс, З. Откуда родом литовцы. / Зыгмас Зинкявичюс, Алексеюс
20. Известия Императорского Русского географического общества / под ред. Действ. Члена барона О.Р.Остен-Сакена – СПб: Тип. В.Безобразова и К, 1871. – Т. VII, кн. 8. – 426 с.
21. История внешней политики России XVIII век. – Москва: 1998. с. 170
22. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.
23. Касперович, Г.И. Проблемы этнической идентификации на этноконтактных территориях Беларуси и России, Украины, Польши / Г.И. Касперович // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі: зборн. артык. / Нацыян. акад. навук Беларусі, Дзярж. навук. устан. “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы” – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С.312—321.
24. Кісялёў, Г., Скалабан, В. Карскі Яўхім Фёдаравіч. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т.4 / Беларус. энцыклап.; рэдкал. Г.Л. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск, 1997. – с. 127-128.
25. Корева, А. Виленская губерния / А.Корева. – СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1861. – 820 с.
26. Красюк, У. Асаблівасці ўзаемаўплыву культур беларуска-славяна-балцкага сумежжа ў XIX ст. / У. Красюк // Сучасны гісторыка-культурны працэс: самавызначэнне і самарэалізацыя суб’екта: матэр. Рэспубл. нав. канф., Мінск, 16-17 мая 2006 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка; рэдкал. С.В.Снапкоўская і інш.; адк. рэд. А.У.Рагуля. – Мінск: БДПУ, 2006. – 239 с.
27. Крип’якевич І. Історія України. Львів: Світ, 1992. – 555;

- 28.Куприянов, П.С. Приобретение или сохранение: проблема культурных заимствований в славянской среде глазами русского путешественника начала XX века / П.С.Куприянов // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі: зб. артык. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Дзяржаўная навуковая установа “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. Кандрата Крапівы”. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 324—330.
- 29.Латышонак, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А.Латышонак, Я.Мірановіч. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2013. – 368 с.
- 30.Марозава, С. Гістарыяграфія канфесійнай гісторыі Беларусі / С. Марозава // Гістарычны альманах. Т. 4. Гародня, 2001. – С. 147—158.
- 31.Олюнина, И.В. Архив Юзефа Обрембского как источник исследований по этнической истории Беларуси / И.В.Олюнина // Научн. труды Респ. инст-та высшей школы: сб. науч. ст.. – Минск, 2008. – Вып. 6 (11): Исторические и психолого-педагогические науки. С. 236—242.
- 32.Олюнина, И.В. Архив Юзефа Обрембского как источник исследований по этнической истории Беларуси / И.В.Олюнина // Научн. труды Респ. инст-та высшей школы: сб. науч. ст.. – Минск, 2008. – Вып. 6 (11): Исторические и психолого-педагогические науки. С. 236—242.
- 33.Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пач. XX ст.: да 150-годдзя скасавання прыгоннага права у Расійскай імперыі: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мінск 4 сак. 2011 г. – Мн.: БДПУ, 2011. – 356 с.
- 34.Полонська-Василенко Н. Історія України. В 2-т. – К.: Либідь, 1995.
- 35.Радзiк Р. Прычыны слабасцi нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX – XX стст. / Р.Радзiк // Беларускі гістарычны агляд. – Мінск, 1995. – Т. 2. – Сш. 2. – С. 195—227.

36. Радзік, Р. Вытокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. / Р. Радзік. – Мінск: Медысонт, 2012. – 376 с.
37. Саўка, Д. Литовский фольклор / Донатас Саўка; пер. Асии Ковтун – Вільнюс: Вага, 1986. – 317.
38. Семчишин М. Тысяча років української культури. – Львів – К.: Друга рука – Фенікс, 1993. – 550 с.;
39. Смірнова, І.У. Літоўскія элементы ў беларускай тапаніміі: па матэрыялах навукова-дапаможнай бібліяграфіі па беларускім мовазнаўстве / І.У. Смірнова, А.У. Трацякова // Беларуская аанамастыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20 красав. 2010 г. / Інст. мовы і літ-ры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – 314 с.
40. Субтельний О. Україна: Історія. – К.: Либідь, 1993. – 720 с.;
41. Тарас, А. Краткий курс истории Беларуси. IX – XXI вв. / А. Тарас. – Минск: Харвест, 2013. – 544 с.
42. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX вв.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. -- Минск.: БГУ, 2004. -- 223 с.
43. Токть, С. Белорусы в эпоху формирования современных европейских наций (XIX – начало XX в.) / С. Токть // Белорусы: нация Пограничья. – Вильнюс: ЕГУ, 2011. – С. 85—158.
44. Українська культура. Лекції за редакцією Дмитра Антоновича. – К.: Либідь, 1993. – 592 с.;
45. Українська культура. Лекції за редакцією Дмитра Антоновича. – К.: Либідь, 1993. – 592 с.;
46. Унуковіч, Ю. Фарміраванне літоўскай этнічнай групы Рэспублікі Беларусь і яе асноўных лакальных частак: гістар. Нарыс. – 2008. -- № 7. – С. 46—53.

47. Цвікевіч, А. «Западнаруссизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А.Цвікевіч. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
48. Чижевський Д. Історія української літератури. – Тернопіль: Феміна, 1994. – 480 с.;
49. Чижевський Д. Нарис з історії філософії на Україні. – К.: Кобза – Орій, 1992. – 230 с.;
50. Arumaa, P. Lituasche mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend: Mit grammatischen Anmerkungen / P. Arumaa. – Dorpat: Univeristet. Acta et commentationes, 1931. – 23 s.; Buga, K. Rinkiniai rastai: 3 t. / K. Buga. – Vilnius: Valstybine politines ir mokslines literaturos I-kla, 1958—1962. – 3 t.;
51. Bakonis, E. Lietuva civilizaciju istorijos modelyje (Zenono Ivinskio ir Arnold Jozeph Toynbee poziuriu gretinimo klausimu) / Evaldas Bakonis // „Lietuvos istorijos studijos“, t.4, 1997. s. 55—59.
52. Bakonis, E. Lietuva civilizaciju istorijos modelyje (Zenono Ivinskio ir Arnold Jozeph Toynbee poziuriu gretinimo klausimu) / Evaldas Bakonis // „Lietuvos istorijos studijos“, t.4, 1997. s. 55—59.
53. Bardach, J. Litewskosc w panstwowosci i systemie prawa Wielkiego Ksiestwa w XVI—XVIII stuleciach / Juliusz Bardach // Tarp istorijos ir butoves. – Vilnius: Aidai, 1999, s. 349—366.
54. Bardach, J. Litewskosc w panstwowosci i systemie prawa Wielkiego Ksiestwa w XVI—XVIII stuleciach / Juliusz Bardach // Tarp istorijos ir butoves. – Vilnius: Aidai, 1999, s. 349—366.
55. Berenis, V. LDK kulturos paveldo problema Lietuviu nacionalinio judejimo ideologijoje (XIX a. – XX a. pr.) / Vytautas Berenis // Senosios rastijos ir tautosakos sgveika: kulturine Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes patirtis, Senoji Lietuvos literatura, 6 knyga – Vilnius: Lietuviu literaturos ir tautosakos institutas, 1998, s. 316—323.
56. Berenis, V. LDK kulturos paveldo problema Lietuviu nacionalinio judejimo ideologijoje (XIX a. – XX a. pr.) / Vytautas Berenis // Senosios rastijos ir

tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis, Senoji Lietuvos literatūra, 6 knyga – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998, s. 316—323.

57. Berenis, V. Lietuvių inteligentijos genezė ir nacionalinės savimones problema / Vytautas Berenis // Kultūros istorijos tyrimai, t. 5. – Vilnius: Gervele, 1999, s. 442—462.

58. Berenis, V. Lietuvių inteligentijos genezė ir nacionalinės savimones problema / Vytautas Berenis // Kultūros istorijos tyrimai, t. 5. – Vilnius: Gervele, 1999, s. 442—462.

59. Civinskas, R. Pirmasis Kaune leistas laikraštis „Kovenskijje Gubernskijje vedomosti“ / Remigijus Civinskas // Kauno istorijos metraštis – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 1998, s. 70—71.

60. Civinskas, R. Pirmasis Kaune leistas laikraštis „Kovenskijje Gubernskijje vedomosti“ / Remigijus Civinskas // Kauno istorijos metraštis – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 1998, s. 70—71.

61. Dundulis, B. Letuva Europos politikoje, 1795—1815 / Bronius Dundulis -- Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998 – 127 s.

62. Dundulis, B. Letuva Europos politikoje, 1795—1815 / Bronius Dundulis -- Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998 – 127 s.

63. Gimzauskas, E. Del lietuvių ir gudų politinių siekių išsiskyrimo genezės I pasaulinio karo metais / Edmundas Gimzauskas // Lituania, 1998, nr 4 (36), s. 41—51.

64. Gimzauskas, E. Del lietuvių ir gudų politinių siekių išsiskyrimo genezės I pasaulinio karo metais / Edmundas Gimzauskas // Lituania, 1998, nr 4 (36), s. 41—51.

65. Girdziuskas, J. Zemaicių kultūriniai samburiai iki XX amžiaus / Juozas Girdziuskas // Zemaicių praeitis, cz. 8, Zemaicių akademija. -- Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 1998, s. 151--166.

66. Girdzijauskas, J. Zemaiciu kultūriniai samburiai iki XX amžiaus / Juozas Girdzijauskas // Zemaiciu praeitis, cz. 8, Zemaiciu akademija. -- Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 1998, s. 151--166.
67. Gliema, L. Kaunas miestiečių sąjūdyje / Liudas Gliema // Kauno istorijos metraštis. -- Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 1998, s. 43--69.
68. Gliema, L. Kaunas miestiečių sąjūdyje / Liudas Gliema // Kauno istorijos metraštis. -- Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 1998, s. 43--69.
69. Gudavicius, E. Pastumtos kortų kaladės desnis / Edvardas Gudavicius // Lietuvos istorijos studijos, t. 4, 1997, s. 35--43.
70. Gudavicius, E. Pastumtos kortų kaladės desnis / Edvardas Gudavicius // Lietuvos istorijos studijos, t. 4, 1997, s. 35--43.
- a. Hroch M. Małe narody Europy: Perspektywa historyczna. Wrocław, 2003. – 309 s.
71. Ilgiewicz, H. Istorinės asmenybės lietuvių ir lenkų istoriografijoje / Henryka Ilgiewicz // Užsienio lituanistika. Humanitariniai mokslai, 1998, kn. 6, s. 35--67.
72. Ilgiewicz, H. Istorinės asmenybės lietuvių ir lenkų istoriografijoje / Henryka Ilgiewicz // Užsienio lituanistika. Humanitariniai mokslai, 1998, kn. 6, s. 35--67.
73. Istorografija ir atvira visuomenė: Tarptautinės mokslinės konferencijos Vilniaus universitete Istorijos fakultete medžiaga, 24--29.09.1996 / Oprac: Ursula A.J. Becher, Alfredas Bumblauskas, Jurnas Rusenas -- Vilnius: Vaga, 1998. -- 343 s.
74. Istorografija ir atvira visuomenė: Tarptautinės mokslinės konferencijos Vilniaus universitete Istorijos fakultete medžiaga, 24--29.09.1996 / Oprac: Ursula A.J. Becher, Alfredas Bumblauskas, Jurnas Rusenas -- Vilnius: Vaga, 1998. -- 343 s.
75. Jucas, M. Lenkijos ir Lietuvos unijos XX amžiaus istoriografija / Mėcislovas Jucas // Lietuvos istorijos studijos, t. 6, 1998, s. 5--27.

76. Jucas, M. Lenkijos ir Lietuvos unijos XX amžiaus istoriografija / Mecislovas Jucas // Lietuvos istorijos studijos, t. 6, 1998, s. 5--27.
77. Jurgaitis, R. Vilniaus miesto problemos Vilniaus seimelyje XVIII a. / Robertas Jurgaitis // Istorija, 1998, nr 38, s. 26--33.
78. Jurgaitis, R. Vilniaus miesto problemos Vilniaus seimelyje XVIII a. / Robertas Jurgaitis // Istorija, 1998, nr 38, s. 26--33.
79. Katilius, A. Lietuvių ir lenkų konfliktas dėl pamaldų kalbos misriose parapijose (XIX a. pabaiga -- XX a. pradžia) / Algimantas Katilius // Kultūros barai, 1999, nr 1, s. 80--86.
80. Katilius, A. Lietuvių ir lenkų konfliktas dėl pamaldų kalbos misriose parapijose (XIX a. pabaiga -- XX a. pradžia) / Algimantas Katilius // Kultūros barai, 1999, nr 1, s. 80--86.
81. Kiaupienė, J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Vidurio Rytu Europoje: diskusinės regiono modeliavimo problemos / Jūratė Kiaupienė // Lituanistika pasaulyje šiandien: darbai ir problemos. -- Vilnius: Baltos lankos, 1998, s. 9-26.
82. Kiaupienė, J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Vidurio Rytu Europoje: diskusinės regiono modeliavimo problemos / Jūratė Kiaupienė // Lituanistika pasaulyje šiandien: darbai ir problemos. -- Vilnius: Baltos lankos, 1998, s. 9-26.
83. Kraszewski, J.I. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaj / J.I.Kraszewski -- Warszawa, 1850. -- T. 2.—X, 441 s.
84. Kraszewski, J.I. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaj / J.I.Kraszewski -- Warszawa, 1850. -- T. 2.—X, 441 s.
85. Kulakauskas, A. Vinco Trumpos XIX a. Lietuvos istorijos modelis / Antanas Kulakauskas // Lietuvos istorijos studijos, t. 4, 1997, s. 135--137.
86. Kulakauskas, A. Vinco Trumpos XIX a. Lietuvos istorijos modelis / Antanas Kulakauskas // Lietuvos istorijos studijos, t. 4, 1997, s. 135--137.
87. Matus, I. Lud nadnarwiański Czasc 1. Race Katedry kultury białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku T. 2. -- Białystok, 2000. 191 s.
88. Matus, I. Lud nadnarwiański Czasc 1. Race Katedry kultury białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku T. 2. -- Białystok, 2000. 191 s.

89. Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.-- 257 s.
90. Wandycz P. Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX--XX ww.) // Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin, 2000. -- T. 2 -- 159 s.
91. Wisniewski, H. Najjasniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVI – XVIII wieku / H. Wisniewski -- Warszawa, 1978.
92. Wisniewski, H. Najjasniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVI – XVIII wieku / H. Wisniewski -- Warszawa, 1978.
93. Zaltys. Vilniaus redyboje / Zaltys // Vienių Lietuvių. – 1894. – nr. 37. – P. 439—440.
94. Кром, М. Радзивилловские акты в фондах Российской национальной библиотеки: перспективы изучения и публикации / Михаил Кром // Lietuvos Metrika. 1991--1996 metų tyrimai. -- Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998, s. 229--237.
95. Кром, М. Радзивилловские акты в фондах Российской национальной библиотеки: перспективы изучения и публикации / Михаил Кром // Lietuvos Metrika. 1991--1996 metų tyrimai. -- Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998, s. 229--237.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Список работ, опубликованных и направленных в печать в результате исполнения НИР

1. Забавский, Н.М. Исследование роли политических партий и движений в общественной жизни Беларуси на рубеже XIX-XX вв. / Н.М. Забавский. Бакінскі славянскі універсітэт- Вучоных запіскі.- Выпуск 2.-Сер. мовы і літаратуры. Сер. грамадска-палітычных навук:Мінск .-БДПУ :Баку-БСУ 2011.- №2. С.42-45.
2. Забавский, Н.М. История восточных славян / Н.М. Забавский А.П. Житко, С.А. Толмачева и др. История восточных славян : хрестоматия: в 2 ч. Ч. 2: Внешняя политика самодержавия (1861-1917 гг.) / сост. Н.М. Забавский, А.П. Житко, [и др.]; под общ. ред. А.П. Житко. – Минск: БГПУ, 2011. – 212 с.
3. Забаўскі, М.М. Крызіс феадальна-прыгонніцкай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. / Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX- пачаткуXX ст. :Да 150-годдзя скасавання прагоннага права ў Расійскай імперыі:матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф.,г. Мінск ,4 сак.2011 г./Бел.дзярж.пед.ун-т імя М.Танка; рэдкал. А.А.Андарала, .В.В. Бушчык, М.М. Забаўскі і інш.- Мінск :БДПУ,2011.-С.9-11.
4. Забаўскі, М.М. Праблемы аўтаноміі беларуска-літоўскіх губерняў у перыяд выбараў і дзейнасці Расійскай дзяржаўнай думы (1906-1917 гг.) / М.М. Забаўскі Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XX ст. У 2-х кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. Навука, 2011. – С. 274-296.
5. Забаўскі, М.М. Урадавыя палітычныя рэформы ў Беларусі ў трэцячэрвеньскі перыяд (1907-1912 гг.) / Забаўскі М.М. Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2011. – № 4 (70). – С. 3 - 6.

6. Забаўскі, М.М. Урадавыя палітычныя рэформы ў Беларусі ў трэцячэрвеньскі перыяд (1907-1912 гг.) Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2011. – № 4 (70). – С. 3 - 6.
7. Забаўскі, М.М. “Союз 17 октября” и их союзники в общественно-политической жизни Беларуси 1905-1917 гг.: историография вопроса. Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. М.М. Забаўскі, Г.А. Космач, А.М. Люты і інш.; навук. рэд. А.П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2012 – с. 165-168.
8. Забаўскі, М.М. Грамадска-палітычны рух і змена палітыкі самадзяржаўя ў 30–50-я гг. XIX ст. Гісторыя Беларусі ў канцы XVIII - першай палове XIX ст. У 8 ч. Ч. 1. Палітыка самадзяржаўя ў беларуска-літоўскіх губернях Расійскай імперыі ў 1772-1861 гг. / М.М. Забаўскі, А.Э. Лютая, А.Ф. Рацько і інш.; пад агул. рэд. А.М. Лютага. – Мінск: БДПУ, 2012. – С. 123-174.
9. Забаўскі, М.М. Развіццё сельскай гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. / М.М. Забаўскі / Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 7 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2012. – С. 3 –8.
10. Забаўскі, М.М. Грамадска-палітычнае жыццё Полаччыны ў перыяд выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай думы I-IV скліканняў (1906-1917 гг.) / М.М. Забаўскі / Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук канф. (Полацк, 22-23 мая 2012 г.)/ Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко.-Мінск: Беларус. Навук, 2012.-С. 272-276.
11. Забаўскі, М.М. Перыёдыка ліберальных партый і групавак у Беларусі ў пачатку XX ст. / М.М. Забаўскі / Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі : зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. М.,М. Забаўскі, А.П. Жытко, Г.А. Космач і інш. – Мінск : БДПУ, 2013. С. 76-80.

12. Забавский, Н.М., Кадира, В.Н. Польская сацыялістычная партыя у Літве В. сб. научных статей "Европа: актуальные проблемы этнокультуры" по материалам VII Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 21 января 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 154-157.
13. Забаўскі, М.М. Дзейнасць яўрэйскіх палітычных партый у Беларусі (1907-1914 гг.) Зборнік навуковых артыкулаў да 100-годдзя БДПУ “Беларусь у пачатку XX ст.”. Мінск, 2014. С. 198-206.
14. Кадира, В.Н. Народные восстания» на территории Беларуси и Украины во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира, Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI в.: материалы научно-практической конференции молодых ученых. - Минск: БГПУ, 2011.
15. Кадира, В.Н. Казачество в антифеодальной борьбе белорусского и украинского народов во второй во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира, Европа: Актуальные проблемы этнокультуры: материалы IV международной научно-теоретической конференции. - Минск, БГПУ, 23 июня 2011. С. 90-92.
16. Кадира, В.Н. Усиление феодально- крепостнического гнета в Беларуси и Украине. Аграрная реформа 1557 г. / В.Н. Кадира, “Актуальныя праблемы гістарычнай навукі і адукацыі” материалы Республиканской научной конференции. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 24-25 ноября 2011.
17. Кадира, В.Н. Переселенческая проблема в России середины XIX - начала XX в. Взгляд на Беларусь: историография вопроса / В.Н. Кадира// Европа: актуальные проблемы этнокультуры: матэрыялы V міжнар. навук. канф., Мінск, 22 мая 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш.]. – Мінск, 2012.
18. Кадира, В.Н. Историография проблемы народных восстаний на территории Беларуси и Украины во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира // Актуальныя пытанні гісторыяграфіі айчынай і

сусветнай гісторыі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. М.М. Забаўскі, Г.А. Космач, А.М. Люты і інш.; навук. рэдкал А.П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2012. – 356 с.

19. Кадира, В.Н. Феодальная земельная собственность в Беларуси и Украине во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира // Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI в.: материалы научно-практической конференции молодых ученых. Минск: БГПУ, 2012. – с. 144-147.

20. Кадира, В.Н. Антифеодальная и национально-освободительная борьба белорусского и украинского народов в конце XVI - первой половине XVII в.: историография вопроса / В.Н. Кадира // Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. М.М. Забаўскі, Г.А. Космач, А.М. Люты і інш.; навук. рэдкал А.П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2012. – 356 с.

21. Кадира, В.Н. Побег и переселения крестьян как одна из форм антифеодальной борьбы белорусского и украинского народов во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира / Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. Минск.

22. Кадира, В.Н. Развитие городов и местечек в Украине во второй половине XVI – первой трети XVII в. / В.Н. Кадира / Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. М.М. Забаўскі, А.П. Жытко, Г.А. Космач і інш. – Мінск: БДПУ, 2013. – 212 с.

23. Лютая, А.Э. Марксісцкая гістарыяграфія ў 20 - 30-я гады XX ст.: праблемы генезісу капіталізму ў Расійскай імперыі / А.Э. Лютая "Труд. Профсоюзы. Общество", № 1, 2011. С. 67 – 71.

24. Лютая, А.Э. Праблема генезісу капіталізму ў Расійскай імперыі ў марксісцкай гістарыяграфіі другой паловы XIX - пачатку XX ст. А.Э. Лютая. Весці БДПУ, № 2. 2011, С. 22 – 27.

25. Лютая, А.Э. Архіўныя крыніцы сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі другой паловы XVIII - першай паловы XIX ст. / А.Э. Лютая. По материалам Республиканской науч. конф. "Европа: актуальные проблемы этнокультуры" Минск, июнь 2011, с. 108 – 110.
26. Лютая, А.Э. Транспарт і фінансы і іх значэнне для генезісу капіталізму ў Беларусі ў 1772 - 1917 гг. / А.Э. Лютая. По материалам Республиканской науч. конф. "Европа: актуальные проблемы этнокультуры" Минск, июнь 2011, с. 105 – 108.
27. Лютая, А.Э. Стан сельскай гаспадаркі ў Беларусі ў канцы XVIII - першай палове XIX ст. / А.Э. Лютая. По материалам Республ. науч.-теор. конф. "Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX - пачатку XX ст. (Да 150-годдзя скасавання прыгоннага права ў Расійскай імперыі)" Мінск, 4 сакавіка 2011, с. 3 – 9.
28. Лютая, А.Э. Исторические взгляды Костомарова. А.М. Лютый, А.Э. Лютая // Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі / зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А.П. Жытко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012.
29. Лютая, А.Э., В.О. Ключевский о характере социально-экономического развития России в "Курсе русской истории". А.Э. Лютая, А.М. Лютый // Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі / зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А.П. Жытко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012.
30. Лютая, А.Э. Государственные крестьяне Беларуси в 50-е годы XIX в.: численность и состав. / А.Э. Лютая, А.М. Лютый // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: матэрыялы V міжнар. навук. канф., Мінск, 22 мая 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш.]. – Мінск, 2012. (в печати).
31. Лютая, А.Э. Вольные люди в Беларуси в середине XIX в. / А.Э. Лютая, А.М. Лютый // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: матэрыялы V міжнар. навук. канф., Мінск, 22 мая 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш.]. – Мінск, 2012.

32. Лютая, А.Э. Палітыка самадзяржаўя ў беларуска-літоўскіх губернях Расійскай імперыі ў 1772–1861 гг.: вучэб.-метад. дапам. / А.Э. Лютая, А.М. Люты [і інш.]; пад агул. рэд. А.М. Лютага. – Мінск: БДПУ, 2012. – 254 с.
33. Лютая, А.Э. Перадумовы фарміравання пралетарыяту і буржуазіі ў Беларусі ў канцы XVIII - першай палове XIX ст. / А.Э. Лютая / Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. Мінск. № 2, с. 30 – 36.
34. Лютая, А.Э. Основные источники изучения численности городского населения Беларуси (конец XVIII - первая половина XIX в.) / А.Э. Лютая / Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі. Зб.навуковых прац.
35. Лютая, А.Э. Динамика численности городов Беларуси в конце XVIII - первой половине XIX в. / А.Э. Лютая / Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі. Зб.навуковых прац.
36. Лютая, А.Э. Сялянская гаспадарка ў Беларусі ў другой палове XVIII - першай палове XIX ст. / А.Э. Лютая / Сб. науч. статей по материалам VI международной научно-теоретической конференции "Европа: актуальные проблемы этнокультуры" с. 177-180.
37. Лютая, А.Э. Генезіс капіталізму ў сельскай гаспадарцы Беларусі ў канцы XVIII - першай палове XIX в. / А.Э. Лютая / Сб. науч. статей по материалам VI международной научно-теоретической конференции "Европа: актуальные проблемы этнокультуры" с.180-184.
38. Лютая, А.Э. Усходнеславянская гістарыяграфія гісторыі гандлю ў Беларусі (другая палова XVII - XIX ст. А.Э. Лютая // Весці БДПУ. Сер. 2., №4. Мінск, 2014. С. 21-25
39. Лютая, А.Э. Гісторыя гандлю ў Беларусі другой паловы XVIII - першай паловы XIX ст.:Крыніцы даследавання. А.Э. Лютая // Весці БДПУ. Сер. 2., №4. Мінск, 2014. С.41-46.
40. Таранович, К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по организации агрономической помощи в период проведения Столыпинской аграрной реформы (1906-1914 гг.) / К.Ю. Таранович // Объединенный научный журнал. – 2013. – № 1-2 (272-273) январь-февраль. – С. 35-39.

41. Таранович, К.Ю. Законодательные и делопроизводственные источники по истории Столыпинской аграрной реформы / К.Ю. Таранович // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VI междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 апреля 2013 г. / Бел. гос.пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В. В. Тугай (отв. ред), А.П. Житко, Г.А. Космач [и др.]. – Минск: БГПУ, 2013. – 352 с.
42. Таранович, К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий в условиях Первой мировой войны / К.Ю. Таранович // Студенческая наука как фактор личностного и профессионального развития будущего специалиста: материалы IX студ. науч. конф., г. Минск, 26 апр. 2013 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Бущик и др. – Минск, БГПУ. – 2013. – 260 с.
43. Таранович, К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий в Беларуси (1906-1909 гг.) / К.Ю. Таранович // Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкол. М.М. Забаўскі, А.П. Жытко, Г.А. Космач і інш. – Мінск: БДПУ, 2013. – 212 с.
44. Таранович, К.Ю. Создание, состав и функции землеустроительных комиссий в Беларуси / К.Ю. Таранович // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. ст. / редкол.: В.В. Бущик (отв. ред.), Д.И. Наумов, И.Ю. Никитина. – Минск: БГПУ, 2013. – 176 с.
45. Таранович, К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по оказанию агрономической помощи крестьянству Могилевской губернии (1906–1914 гг.) / К.Ю. Таранович // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2014. – № 1. Серыя А. Гісторыя. Філасофія. Філалогія. – С. 38–47.
46. Тарановіч, К.Ю. Дзейнасць землеўпарадкавальных камісій па мабілізацыі зямельнай уласнасці ў Беларусі (1906–1914 гг.) / К.Ю. Тарановіч // Весці БДПУ. – 2014. – № 2. – С. 37–40.
47. Таранович, К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий в Беларуси / К.Ю. Таранович // Беларусь у пачатку XX ст. Да 100-годдзя БДПУ: зб.

наук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка; рэдкал. А.І. Андарала, М.М. Забаўскі, А.М. Люты і інш. – Мінск: БДПУ, 2014. – С. 207–212.

48. Таранович, К.Ю. Кадровый состав губернских и уездных землеустроительных комиссий в Беларуси / К.Ю. Таранович // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 21 января 2014 г. / Бел. гос.пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2014. – С. 159–161.

49. Таранович, К.Ю. Землеустроительные комиссии как механизм реализации Столыпинской реформы / К.Ю. Таранович // Молодые исследователи – регионам: материалы международной научной конференции. В 3-х т. – Вологда: ВоГТУ, 2014. – Т. 3. – С. 56–57.

50. Яковчук, В.И. Государственное управление. Ч.2 Организационная структура государственного управления и государственная служба в Республике Беларусь / В.И. Яковчук / пособие. – Минск, Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – 150 с.

51. Яковчук, В.И. Теория, процессы и технологии государственного строительства: курс лекций (учебное электронное издание) / В.И. Яковчук / Ю.В.Никулина – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – 390 с.

52. Яковчук, В.И. Ретроспективный анализ и перспективы развития теории и практики государственного управления в Республике Беларусь / В.И. Яковчук / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; – Минск, 2013. – 112 с.

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе БГПУ

_____ А.В. Торхова

«_____» _____ 2015 г.

АКТ

о внедрении результатов НИР

Настоящий акт составлен об использовании в учебном и научном процессах разработки «Социально-экономическое и этнокультурное взаимодействие Беларуси, Литвы и Украины: влияние на формирование белорусской нации в конце XVIII – начале XX вв.», выполненной по теме НИР «Политическое, социально-экономическое и конфессиональное развитие Беларуси в конце XVIII – начале XX вв.»

Номер государственной регистрации 20111198, номер темы 693.

Разработка используется в учебном процессе кафедры истории Беларуси с 2013/2014 учебного года.

Разработка используется в учебном процессе на лекциях и семинарских занятиях и студентами при написании курсовых и дипломных работ и позволяет более качественно обеспечить учебный процесс и научные исследования.

Зав. кафедрой истории Беларуси и славянских народов

А.Ф. Великий

Сотрудники использовавшие разработку:

_____ Л.Э. Дичковская

_____ З.И. Канапацкая

_____ М.Н. Соколов

_____ А.Э. Лютая

_____ А.Ф. Ратько

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА ВНЕДРЕНИЯ

Электронное учебное пособие

«Этнакультурныя сувязі Беларусі, Літвы і Украіны ў канцы XIX – пачатку XX ст.: іх ўплыў на фарміраваньня беларускай нацыі»

Объектом внедрения является фактический материал и основные выводы по исследуемой теме. В разработке отражено культурное развитие Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в., что является значительной частью учебного курса истории Беларуси в школах и вузах, а также одним из сложных вопросов отечественной истории.

Разработчики:

1. Профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов, доктор исторических наук, профессор Забавский Николай Михайлович;
2. Кандидат исторических наук, доцент, зам. декана исторического факультета БГПУ Кадира Владислав Николаевич;
3. Доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ Лютая Анжела Эдуардовна;
4. Аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ Таранович Кристина Юрьевна.

Преподаватели, использующие разработку:

1. Соколов М.Н., доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ.
2. Лютая А.Э. доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ.
3. Дичковская Л.Э., доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ.
4. Канапацкая З.И., доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ.
5. Ратько А.Ф., доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ.

Начало использования объекта внедрения в научной работе март 2013 г., в учебной – сентябрь 2013 г.

Число студентов, пользующихся разработкой – 100 чел.

Разработка рекомендована к внедрению 27.08.2013, протокол № 1.

Разработчики:

Доктор исторических наук, профессор, кафедры истории Беларуси и славянских народов	Н.М. Забавский
Кандидат исторических наук, доцент, зам. декана исторического факультета	В.Н. Кадира
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов	А.Э. Лютая
Аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов	К.Ю. Таранович